

Книга 3

Жена Шейха

Оковы власти

Ульяна Соболева

18+

Ульяна Соболева

**Заключенная в
золото. Жена Шейха**

«Автор»

2026

Соболева У.

Заклученная в золото. Жена Шейха / У. Соболева — «Автор»,
2026

Я заплатила за свою любовь высокую цену. Я узнала горечь предательства,
боль разлуки и адские страдания от потерь. Но я люблю ЕГО и за свою любовь
готова бороться до конца. Единороги сдохли ХЭ в самом конце серии Властный
наглый сволочь шейх Сильная несломленная героиня

© Соболева У., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Аннотация	6
Глава 1	7
Глава 2	9
Глава 3	11
Глава 4	14
Глава 5	16
Глава 6	18
Глава 7	23
Глава 8	27
Глава 9	31
Глава 10	34
Глава 11	39
Глава 12	43
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Ульяна Соболева

Заключенная в золото. Жена Шейха

ЖЕНА ШЕЙХА. ЦЕНА ЛЮБВИ

Ульяна Соболева

Аннотация

Она уже не Женя она Айлин Хаятти и больше не рабыня. Она — жена шейха и мать его наследников. Но золото дворца скрывает зависть и злобу, и ее новый статус не спасает от смертельных интриг. Лейла мечтает уничтожить ее. Шахид, брат шейха, готов на все, чтобы захватить власть. Среди роскоши и врагов Айлин вынуждена бороться за жизнь своих детей, за себя и за любовь, которая все еще держит ее с шейхом. Но что делать, если доверие разбито? Когда враги идут на все, чтобы лишить ее последнего, а в сердце мужчины, которого она любит, проникает холод? Предательство, огонь и кровь — это лишь начало. Айлин знает: если она хочет выжить и защитить своих детей, ей придется стать сильнее, чем ее враги, и разорвать цепи, которые пытаются снова захлестнуться на ее шее.

Глава 1

Я сидела у постели Лизы, глядя ее бледную руку, почти сливающееся с белизной простыни. Комната в больнице казалась пустой и слишком холодной, несмотря на мягкий свет лампы. Аппараты, которые следили за ее сердцебиением, монотонно издавали звуки, будто напоминая мне: она все еще здесь. Она борется. Но этой борьбы я не видела, не чувствовала. Она была где-то там, внутри нее, недоступная мне.

Я наклонилась ближе, чтобы говорить с ней. Мне казалось, что если я перестану говорить, Лиза исчезнет. Голос дрожал, но я продолжала:

— Ты должна вернуться ко мне, слышишь? Ты должна. Я здесь. И я не отпущу тебя. Моя девочка, мое маленькое счастье. Бусинка моя.

Мое сердце было словно зажато в железных тисках. Каждый взгляд на ее закрытые глаза, на ее неподвижное тело напоминал о том, как мало я сделала, чтобы ее защитить. Это я должна была лежать здесь. Это я должна была пострадать, а не она.

— Это моя вина, Лиза, — выдохнула я, чувствуя, как слезы жгут глаза. — Ты была там из-за меня. Ты всегда страдала из-за меня. Но я исправлю это, слышишь? Я исправлю все.

Я почувствовала, как сильные, горячие руки обхватили мои плечи. Амирт. Его присутствие всегда было настолько ярким, что заполняло всю комнату. Я даже не слышала, как он вошел, но его тепло сразу окружило меня, как щит.

— Женья моя, — его голос прозвучал хрипло, но властно. — Ты опять обвиняешь себя?

Я подняла голову, взглянув на него. Его темные глаза прожигали меня насквозь, и в них было нечто, что всегда выбивало меня из равновесия. Сила. Решимость. Его способность видеть меня насквозь.

— Если бы я... если бы я не так сильно не хотела привезти ее сюда... — начала я, но он прервал меня, прикоснувшись к моим губам пальцем.

— Хватит, — сказал он твердо. — Это не твоя вина. Ни секунды не смей думать об этом.

Я хотела поверить ему, хотела найти в них утешение. Но как? Лиза была здесь из-за меня. Из-за моей слабости.

Он медленно опустился на колени рядом со мной, взял мою руку и положил ее на свою грудь.

— Ты думаешь, я не чувствую твоей боли? Ты думаешь, что я не готов сделать все, чтобы она встала на ноги? — Его голос стал тише, но в нем прорезалась какая-то дикая страсть. — Ты моя женщина, Женья. Ее жизнь — это моя ответственность так же, как и твоя.

Он смотрел на меня так, будто видел весь мой внутренний мир. И я видела в его глазах ту же боль, тот же страх, что терзал меня. В какой момент все так изменилось. В какой момент он стал моей жизнью... в какой момент я полюбила его так сильно, что мне больно дышать, когда я о нем думаю.

— Ты оставишь ее здесь? — прошептала я, едва дыша.

Его челюсть напряглась, но он не отвел взгляда.

— Она будет в опасности. Она получит все, что нужно. Лучших врачей. Лучшее лечение. Она выживет. Я клянусь тебе этим.

Я смотрела на него, чувствуя, как слезы катятся по щекам. Его слова давали мне надежду. Но это была надежда, смешанная с мучительной болью. Он был слишком силен, слишком решителен. И в этом было что-то пугающее.

Его рука потянулась к моему лицу, вытирая слезы.

— Ты слишком много страдаешь, — сказал он тихо, и его голос был полон чего-то, что я не могла распознать. Как же мне хотелось, чтоб он любил меня так же как и я его. Но я... я итак приблизилась к нему как к солнцу и мне страшно, что оно может не просто обжечь меня, а превратить в пепел.

— Это из-за нее, — выдохнула я, мои пальцы сжали его запястье. — Ты не понимаешь...

— Я все понимаю, — перебил он. — Она — часть тебя. И это значит, что она часть меня.

Я смотрела в его глаза, пытаюсь понять, говорил ли он правду, или это просто красивые слова, чтобы меня успокоить.

— Ты правда так считаешь? — мой голос дрожал.

— Я не считаю, — его голос был твердым, почти жестким. — Я чувствую. Я сделал все, чтобы привезти ее сюда, чтоб ты...Хаятти, чтоб ты была счастлива. Чтобы улыбалась, а не плакала.

Он прижал меня к себе, позволяя мне почувствовать его тепло, его силу. В этот момент я поняла, что, несмотря на весь его контроль, он тоже был человеком. И он чувствовал боль так же, как и я. Но могло ли это что-то изменить? Могло ли это вернуть Лизу?

Я закрыла глаза, спрятав лицо у него на груди, и позволила себе впервые за долгое время просто дышать. Он был моим якорем в этом хаосе.

Если не сложно, добавьте пожалуйста книгу в библиотеку, чтобы получать уведомления о выходе новых глав, и поставьте звездочку)))

Глава 2

А потом прижалась лбом к Лизиной руке, ее прохладная кожа как будто впитывала мою боль. Мои пальцы медленно скользнули к ее запястью, туда, где под тонкой кожей должно было чувствоваться биение жизни. Оно было — слабое, едва заметное, но оно было. Лиза боролась. Я должна была бороться вместе с ней. Но внутри все кричало от ужаса. Я не могла забыть того дня, когда кровь залила ее платье, когда ее безжизненное тело рухнуло на землю, и весь мой мир в один миг разлетелся на осколки.

Того, кто это сделал, все еще не нашли. Столько дней прошло, а ответов не было. Амирт заверил меня, что лучшие люди ищут стрелка, но я знала, что это был не просто случайный выстрел. Это была продуманная попытка. Целенаправленный удар. Это был кто-то профессиональный, кто-то, кто знал, как исчезнуть без следа.

"Наемник," — подумала я, сжимая зубы. Моя Лиза стала мишенью в этой бездушной игре власти. Кто-то хотел ранить меня через нее. Или, может быть, это был удар по Амирту, через меня и через мою дочь.

Но почему? Почему ребенок? Я не находила ответа.

Я подняла глаза на лицо Лизы, такое хрупкое, такое красивое. Она всегда казалась мне сильной, даже несмотря на ее детский возраст. А теперь она лежала здесь, такая незащищенная, а я не могла ничего сделать. Только ждать. Внутри все клокотало. Если бы я знала, кто нажал на курок, я бы собственными руками задушила этого ублюдка. Но мне ничего не оставили. Ни улики, ни намеков. Пуля была выпущена издалека, и тот, кто это сделал, уже, скорее всего, был далеко.

Амирт обещал мне, что они найдут эту мразь. Я видела в его глазах, что он сдержит свое слово. Но хватит ли этого? Хватит ли мести, чтобы вернуть Лизу ко мне? Нет. Даже если они приведут его ко мне связанным, даже если я увижу, как он умирает захлебываясь кровью, мне все равно будет мало.

Мои пальцы бессознательно впились в простыню, и я стиснула зубы, чтобы не закричать. В голове крутилась мысль: "Что, если они никогда не найдут его? Что, если он исчезнет навсегда, оставив меня с этой раной, которая никогда не заживет?"

— Его ищут, — сказал он словно зная о чем я думаю, его голос был низким, напряженным. — Я не остановлюсь, пока его не найдут.

Я медленно подняла голову, но не обернулась. Его слова, хоть и были обещанием, не приносили мне облегчения.

— Он профессионал, — выдохнула я, чувствуя, как мои пальцы снова сжимаются в кулаки. — Тот, кто это сделал, знал, что не оставит следов. Ты это понимаешь?

Он обошел меня, сел рядом и посмотрел на меня. Его взгляд был таким пронзительным, что мне захотелось отвернуться, но я заставила себя выдержать его.

— Я понимаю. Но это не значит, что его нельзя найти.

— А если нельзя? — резко спросила я, не в силах сдерживать свои эмоции. — Если он исчезнет, как тень? Что тогда?

Его челюсть напряглась, но он не отвел взгляд.

— Женя, — его голос стал тверже, — мы его найдем. И когда это произойдет, ты увидишь, как он заплатит за то, что сделал.

Его слова звучали как клятва, но я знала: в мире, где власть и деньги решают все, ответов можно ждать годами. Или не дожидаться никогда.

Я посмотрела на Лизу и почувствовала, как слезы снова начинают подступать к глазам. Мне хотелось верить ему, но что-то внутри шептало, что справедливости не будет. Потому что ее никогда не бывает.

– Она останется во дворце.

Его голос прозвучал низко и спокойно, но от этих слов я чуть не задохнулась. Я подняла голову, не сразу понимая, что он сказал.

– Что? – прошептала я, обернувшись к нему.

Он был так близко, что я могла почувствовать тепло его тела. Его лицо было серьезным, но не холодным. В глазах скрывалось нечто большее. Забота? Решимость? Я не могла понять, но знала одно: это не было безразличием.

– Она останется во дворце, – повторил он, глядя мне прямо в глаза. – Там ее будут окружать лучшие врачи. Там она будет в безопасности.

Мое сердце заколотилось так сильно, что я подумала, что он может это услышать. Я пыталась что-то сказать, но слова застряли в горле.

– Почему? – наконец выдохнула я, сжимая руку Лизы.

Он наклонился чуть ближе, его голос стал тише, но в нем звучала твердость:

– Потому что она твоя дочь.

Я смотрела на него, не зная, как ответить. Меня разрывало от благодарности, от этого нереального чувства... я не могла поверить, что он это сказал.

– Я не позволю, чтобы с ней случилось что-то еще. Я обещал, что ты и твои дети будете в безопасности. Я сдержу это обещание.

Я смотрела на него, чувствуя, как сжимается мое сердце от любви к нему. Он был таким уверенным, таким сильным.

– Спасибо, – прошептала я, почти беззвучно.

Он протянул руку и осторожно коснулся моей щеки. Его прикосновение было таким неожиданным, что я чуть не отстранилась, но вместо этого замерла.

– Женя, – его голос был мягче, но не терял своей силы, – ты должна верить, что я сделаю все, чтобы вы обе были в безопасности.

Я кивнула, чувствуя, как слезы все-таки начинают катиться по щекам.

– Она сильная, – добавил он, опуская взгляд на Лизу. – Она справится.

Его уверенность была заразной. Я хотела верить ему. Хотела довериться его словам, его силе. И, наверное, именно в этот момент я почувствовала, как он становится для меня чем-то большим, чем просто мужчина.

Он еще мгновение стоял рядом, а потом убрал руку и выпрямился.

– Ты не одна, – сказал он тихо, прежде чем развернуться и выйти из палаты.

Когда его шаги затихли, я закрыла глаза, прижав руку Лизы к своим губам. Эти слова эхом звучали в моей голове. "Ты не одна."

Но почему же тогда мне все еще казалось, что между нами — целая пропасть?

Глава 3

В доме Лейлы царила тишина — напряжённая, как натянутая струна, готовая лопнуть от малейшего прикосновения. Но внутри неё, в глубине этих стен, эта тишина уже давно превратилась в бурю.

Ваза из хрусталя, украшенная золотыми узорами, полетела в стену с глухим звуком, разлетаясь на тысячи осколков. Как будто эти осколки могли собрать её мысли. Её жизнь. Её власть. Всё то, что от неё отобрали.

Лейла стояла посреди комнаты, с тяжёлым дыханием и горящими глазами, словно сама была воплощением ярости. Её лицо, всегда красивое, всегда безупречное, сейчас исказилось злобой. Она рванула одну из подушек, стоящих на диване, с таким остервенением, что ткани и перья полетели в воздух. Перья кружились, будто насмехаясь над её бессилием, и это злило её ещё больше.

— Рыжая тварь, — прошипела она, словно это слово обжигало ей язык.

Её голос был низким, почти змеиным. Она сжала руки в кулаки так, что ногти впились в ладони. Как же она ненавидела эту рыжеволосую дрянь. Её соперницу, которая из грязи поднялась к золоту, будто это место всегда принадлежало ей.

— Эта сука! — Лейла закричала, оборачиваясь к своим служанкам, стоящим у стены. Их лица были напряжёнными, они боялись даже дышать. — Вы все виноваты! Все! Это вы не смогли сделать ничего, чтобы остановить её!

Одна из служанок попыталась что-то сказать, но Лейла схватила со стола серебряный поднос и швырнула его в сторону женщины. Он с грохотом ударился о пол, не задев цели, но заставил всех втянуть голову в плечи.

— Вы — ничтожества! — продолжала она, тяжело дыша. — Вы служите мне, но не можете выполнить даже самых простых приказов!

Её глаза метались по комнате, ища новый объект для своей ярости. В какой-то момент она замерла, схватившись за спинку стула, чтобы удержать себя от падения. Её дыхание сбивалось, а сердце бешено стучало в груди.

«Она приведет свою дочь...своего змееныша в мой дом...я сделала все чтоб эта мелкая дрянь сдохла...что пошло не так? Какого черта Хасан промахнулся? Ублюдок исчез! Пусть Шахид найдет его и закроет ему рот навсегда», — мысль пульсировала в голове, как язва, которая не заживала. Лиза. Лиза, которую Евгения смогла спасти, которая теперь, благодаря вмешательству Амирта, придет в их жизнь.

Лейла стиснула зубы так сильно, что услышала треск. Этот жест шейха был как пощёчина. Он выбрал её, Рыжую. Опять. Не просто выбрал, а подчёркнуто, публично. Теперь не только она, Лейла, знала это, но и весь дворец.

— Дочь, — она почти выплюнула это слово. — Наследники. Теперь у неё есть всё.

Она знала, что значит возвращение Лизы. Это был ещё один кирпич в укреплении Жениных позиций. Это было доказательство того, что Евгения — больше, чем просто любовница. Её статус становился всё более незыблемым, как будто сам Амирт намеренно возводил вокруг неё непробиваемую стену.

— Она становится неуязвимой... — прошептала Лейла, и её голос наполнился таким холодом, что даже служанки, которые уже привыкли к её вспышкам гнева, инстинктивно отступили.

Она выпрямилась, её пальцы нервно поправили складки на её роскошном платье. Её красота по-прежнему была безупречной, но эта красота больше не приносила ей ничего. Её украшения, её изысканные ткани, её аромат — всё это теперь было бессмысленно, как пыль, разлетающаяся под ногами.

Лейла шагнула к окну. На улице сгущались сумерки, и из окна её дома открывался вид на город, который казался ей тюрьмой.

– Если я позволю ей родить... если я позволю этим детям появиться на свет... это будет конец. Мой конец.

Она развернулась к комнате, наполненной осколками, перьями и тихо застывшими служанками. Её лицо было каменным, но в глазах горела решимость.

– Нет. Этого не будет.

Её голос был низким, почти шёпотом, но каждое слово звучало, как приговор. Она резко повернулась и крикнула:

– Я уничтожу её, – прошептала она, смотря на написанное. – Она не доживёт до того дня, когда станет матерью наследников.

Её безупречные пальцы, украшенные массивными кольцами, медленно барабанили по лакированной древесине. За окном закат растекался по горизонту огненными мазками, как будто небо само горело от её ярости. Но внутри неё полыхал гораздо больший огонь.

Евгения. Это имя, как заноза, засело в её сознании.

"Эта девчонка должна была умереть," – думала Лейла, её взгляд становился всё мрачнее. Теперь эта больной щенок только укрепит её, сделает ещё более неприкосновенной в глазах шейха. Ничего...она не бессмертна. Они обе.

Лейла сжала подлокотник так сильно, что ногти оставили царапины на дереве. Она была готова к тому, чтобы разорвать весь этот дворец на куски, лишь бы стереть Евгению и всё, что с ней связано, из своей жизни. Но хаотичный гнев — это оружие для слабых. А Лейла никогда не позволяла себе слабости.

Она резко поднялась с кресла, её платье мягко шуршало о мраморный пол, пока она пересекала комнату. Лейла подошла к зеркалу, посмотрела на своё отражение. Её лицо было всё так же красиво, но в глазах теперь жила ненависть, острое, режущее чувство, которое, казалось, питало её изнутри.

«Я должна ударить по её самому слабому месту. Там, где её сердце разобьётся окончательно. Ее дочь должна умереть.»

Лейла знала, что у Евгении есть одно неоспоримое преимущество. Она носила наследников. Эти дети становились её неприкосновенной бронёй, превращали её в ту, кем Лейла так долго мечтала стать — женщиной, с которой нельзя не считаться. Точнее она была ею пока рыжая тварь не появилась.

"Дети..." – слово прозвучало в её голове, как шёпот ядовитой змеи.

Она остановилась, и в её губах появилась лёгкая усмешка. Злорадная, дикая.

Лейла подошла к столу, открыла крышку ноутбука.

– Зинна, – позвала она одну из служанок, которая тут же проскользнула в комнату.

Служанка опустила голову, но Лейла уже махнула рукой.

– Приведи ко мне тех, кто остался верен мне. Мы будем решать, как избавиться от неё.

Зинна кивнула и быстро ушла, оставив Лейлу наедине с её мыслями.

Евгения думала, что она победила. Но Лейла знала, что ей нужно действовать тоньше. Если они ударят сейчас, это должно выглядеть так, будто девчонка умерла сама...Это заденет Рыжую. Это ее ломает.

Она вновь начала писать сообщение Шахиду. На этот раз оно было коротким, но наполненным обещаниями:

«Её дети — это её сила. Уничтожь дочь — и Евгения превратится в пепел. У тебя есть мои ресурсы, мой человек в дворце. Не медли.»

«Ты думаешь, что этот дворец твой дом, Евгения. Но я превращу его в твою ловушку.»

Теперь, с каждым вдохом, Лейла видела перед собой не только Евгению, но и возможность вернуть себе всё, что у неё отняли. Её план начинал обретать форму, и на этот раз она не позволила бы ни единой детали ускользнуть.

Глава 4

Вечерний воздух гарема был насыщен ароматом жасмина, а мягкий свет ламп делал его ещё более величественным. Я стояла в центре комнаты, окружённая женщинами, которые не сводили с меня взглядов. С тех пор как я поселилась в покоях рядом с шейхом все начали относиться ко мне иначе. А когда сюда перевезли Лизу и оборудовали для нее комнату рядом с моей на меня смотрели с завистью и восхищением. И знаете что? Мне нравилось. Как говорят «Да не умолкнут говорящие мне в спину - это значит, что я впереди(с)». Среди них выделялась Назира — её насмешливое выражение лица и чуть приподнятый подбородок раздражали меня больше всего. После Лейлы она была моим главным противником. Но сейчас она осталась без поддержки второй змеи.

На возвышении, словно изваяние из мрамора, стоял Амирт. Его взгляд прожигал меня насквозь.

— С сегодняшнего дня, — начал он, его голос был резким, как удар, — ты будешь покидать свои покои только в сопровождении двух женщин и охраны.

Я моргнула, чувствуя, как внутри поднимается негодование. Он говорит это так, будто я не человек, а вещь, которую нужно оберегать!

— Это не обсуждается, — добавил он.

Я шагнула вперёд, не в силах сдержаться:

— С каких пор я не могу выйти одна? Мне не нужна охрана!

В комнате повисла тишина, и я почувствовала на себе взгляды остальных. Кто-то ахнул, кто-то едва сдержал усмешку. Назира прикрыла рот веером она всегда носила его за собой обмахивала им лицо, её глаза насмешливо блестели.

Амирт медленно повернул голову в мою сторону. Его взгляд был холодным, а голос прозвучал низко, но от этого ещё более устрашающе:

— Ты перебиваешь меня?

— Если я не согласна, мне нельзя высказаться? — упрямо парировала я, чувствуя, как внутри всё закипает.

Омар, главный евнух, тут же вмешался, его голос был шипящим:

- Женя, замолчи немедленно! Не перечьте шейху!

Но я проигнорировала его, не сводя взгляда с Амирта.

— Это несправедливо, — продолжила я, задрав подбородок. — Я не пленница, чтобы со мной так обращаться! Почему с охраной?

Я знала, что ступаю на тонкий лёд, но не могла остановиться. Внутри всё кипело. Я видела, как Амирт сжал челюсть, а его взгляд стал ещё жёстче.

— Замолчи, Женя, — его голос прозвучал как удар хлыста. — Закрой рот.

Я почувствовала, как всё вокруг замерло. Мой взгляд метнулся к Назире, которая едва скрывала довольную усмешку. Остальные женщины переглядывались, их глаза светились злобным интересом.

— Ты будешь делать так, как я сказал, — продолжил Амирт, его слова звучали, как приговор. — И, чтобы больше не было таких разговоров. Овид! Сюда!

Омар потянулся ко мне, но тут дверь в зал резко распахнулась. Внутрь шагнул Овид, главный охранник покоев шейха. Его массивная фигура и строгий взгляд сразу привлекли внимание.

- Отведи ее ко мне! — он кивнул в мою сторону.

— Женя должна немедленно пойти к шейху, — произнёс он, его голос звучал твёрдо.

— Я думала, я уже здесь, — сухо бросила я, стараясь скрыть дрожь в голосе.

— В личные покои, — уточнил Овид.

Внутри у меня всё перевернулось. Назира не удержалась и тихо рассмеялась. Я бросила на неё яростный взгляд, но она лишь поджала губы, её глаза светились победой.

— Немедленно, — повторил Овид, не обращая внимания на моё сопротивление.

— Пойдём, — бросил Омар, но я вырвалась из его хватки.

— Если он хочет меня видеть, я сама приду, не надо меня тащить — твёрдо сказала я, чувствуя, как всё больше теряю контроль над ситуацией.

— Ты не в том положении, чтобы решать, — ответил Овид, делая шаг ко мне. — Ты и так слишком далеко зашла.

Я понимала, что спорить бесполезно, но гордость не позволяла мне показать слабость. Я высоко подняла голову и направилась к выходу. За спиной раздались шёпоты женщин. Назира проводила меня взглядом, полный насмешки.

— Она ещё пожалеет, — услышала я её шепот, но не обернулась.

- Кажется кто-то сегодня вылетит с трона!

Я знала, что меня ждёт впереди. Амирт не прощает неповиновения.

Глава 5

Роскошная спальня шейха утопала в богатстве восточных традиций. Тяжёлые шторы из тёмного бархата скрывали свет ночного города, оставляя комнату в мягком свечении многочисленных ламп и фонарей с узорчатыми абажурами. Воздух был наполнен лёгким ароматом амбры и сандала, а мраморный пол отдавал прохладой даже через толстый персидский ковер.

Амирт стоял у изысканной кровати с высокими резными спинками, его фигура отражалась в зеркале с золотыми инкрустациями. Я находилась в центре комнаты, ощущая на себе его тяжёлый взгляд. Я знала, что переходила границы, но не могла заставить себя отвести глаза.

Его голос разорвал тишину, звуча как раскат грома. Я тихо вздрогнула, но по телу прокатилась горячая волна. Я злилась на него и одновременно с этим желала. Этот величественный мужчина мой любовник! Отец моих детей! И эта мысль будоражила меня.

— Ты думаешь, что я буду терпеть твои дерзкие слова? — произнёс он, его тон был ровным, но наполненным угрозой.

— Я только хотела... — начала я, но он резко перебил меня.

— Хотела что? Спорить со мной при всех? — он шагнул ближе, и она невольно отступила, чувствуя, как моя спина упирается в массивный деревянный столик.

Его глаза, обычно спокойные, сейчас горели яростью.

— Ты осмелилась перечить мне в моём собственном доме. Ты знаешь, что я не позволяю этого никому, — его слова были тихими, но каждое из них пронзало и вызывало электрический ток. Его глаза горели не только злостью..в них было еще что-то, глубокое, темное. Он окинул взглядом мою фигуру, его взгляд застыл на моих губах.

Я облизала их, но промолчала. Мое молчание, казалось, лишь разозлило его сильнее. Или возбудило...Как и он меня...

— Ты будешь наказана, Женья, — произнёс он, и в его голосе появилась пугающая твёрдость.

— Амирт, пожалуйста... — попыталась заговорить, но он одним движением оказался передо мной, схватив меня за запястье.

— На колени, — приказал он, и его глаза не оставили мне выбора.

Я медленно опустилась, мои колени коснулись мягкого ковра. Амирт наклонился надо мной, его пальцы скользнули в мои волосы, крепко захватывая их у основания.

— Ты думаешь, можешь говорить что угодно? — спросил он, его голос был обжигающим, а его близость заставляла её сердце колотиться в груди.

— Я...я просто не хотела...я...я сожалею, — прошептала я, но он не отпустил меня. А я уже чувствовала нарастающее возбуждение. И его и мое. Этот взгляд с поволокой, этот приоткрытый чувственный рот.

— Поздно, — сказал он, и его хватка стала крепче. — Теперь ты покажешь, как умеешь слушаться.

Он расстегнул пояс своего роскошного халата, его член был вздыблен и покачивался перед моим лицом...Такой красивый с выпуклыми венами, блестящей бордовой головкой.

— Открой рот, — его голос был мягким, но в этой мягкости скрывалась сталь.

Я подчинилась, мои губы раскрылись, а дыхание участилось. Амирт медленно направил себя к моим губам, наблюдая, как я принимаю его. Его член был горячим, твёрдым, а мой язык осторожно провёл по его головке, вызвав у него низкий, хриплый стон.

— Вот так, — произнёс он, его голос был полон удовлетворения.

Он начал двигаться, его толчки были медленными, но властными, он полностью контролировал мои движения. Его рука крепко держала мои волосы, задавая ритм, который я старалась соблюдать.

— Соси, Женя, глубже, — приказал он, его голос становился всё более напряжённым и хриплым... А я пульсировала от возбуждения. Соски неумолимо напряглись и ныли, а между ног стало влажно

Я подчинилась, усиливая давление, мои губы плотно обхватывали его, а язык добавлял новых ощущений. Амирт тяжело дышал, его стоны становились громче, но он всё ещё сохранял контроль.

— Посмотри на меня, — его голос был полон властности, и я подняла глаза, встречаясь с его жадным взглядом.

Его тело напряглось, его движения стали глубже, пока он не застыл, выдыхая низко и хрипло. Мой рот наполнился его тёплым семенем, но я продолжала двигаться, глотая мускусную жидкость, следуя за его ритмом, пока он не замедлился.

Амирт отступил на шаг, позволяя мне выпрямиться. Его взгляд не отпускал меня, тяжёлый и изучающий.

— Запомни, Женя, — произнёс он, его голос был ниже, но не менее твёрдым. — Ты не перечишь мне. Ты моя, и только моя.

Затем он наклонился ближе, его губы коснулись её мягко, словно закрепляя свои слова.

— В следующий раз будь умнее, — добавил он, прежде чем отступить и застегнуть халат, возвращая себе свою безупречную внешность, но не оставляя сомнений, кто здесь главный.

- Амирт..., - я схватила его за руку, возбужденная, готовая на все, готовая получить ласки от его сильных пальцев.

- А тебе ...тебе врач сказал соблюдать покой! – ехидно сказал он и усмехнулся.

- Амиирт, - целуя его пальцы, притягивая к себе. Усмехается, глаза наглые, хитрые, все еще блестят голодом. Поднимает меня с пола за руку, резко толкает к столу, так что я опираюсь на него руками. Секунда и мое платье у меня на поясице, трусики содраны до колен. И его пальцы раздвигают мои влажные складки. Моя голова запрокидывается назад в голодном отчаянном стоне. Кончики пальцев дотрагиваются до ноющего клитора. Он слегка потирает его и скользит к дырочке проводит по ней...

- Мокрая голодная дрянь?

- Дааа, мой шейх. Твоя мокрая голодная дрянь.

Растирает влагу вверх между складками и начинает растирать мой клитор круговыми мягкими движениями.

- Хорошо...моей дряни?

- Даааа, - выставляю сильно впиваясь в столешницу, кусая губы. Его движения ускоряются, он наклоняется к моему уху и шепчет что-то хрипло по арабски. Я закатываю глаза меня уже пробирает первыми спазмами оргазма, пока не накрывает и я не откидываюсь спиной ему на грудь, содрогаясь и извиваясь в его руках, он держит меня за шею, а второй рукой продолжает ласкать дергающийся в оргазме клитор.

- Моя сладкая, маленькая дрянь...мммм...жаль что у меня совещание с советниками. Я бы наказал тебя посильнее.

Кусает мочку уха. А потом властно говорит.

- Будешь мне перечить следующее наказание тебе не понравится, поняла?

Глава 6

Дворец кипел, словно огромный улей, где каждый слуга, каждый охранник и каждая служанка, казалось, знали своё место в подготовке к этому грандиозному событию. Амаль. Её имя звучало отовсюду, в каждом углу, в каждом коридоре, шёпотом и восторженно. Дочь Назиры возвращается. Та самая, которая училась в Европе. Та самая, о которой говорили, что она утончённа, как парижская модница, умна, как старинные книги, и холодна, как зимние ночи в Арктике.

Я стояла у окна, наблюдая, как слуги сновали туда-сюда, поднимая пыль. Под их суетой дворец казался живым, но в этот момент для меня он был похож на огромного зверя, который затаился в ожидании. Я смотрела на это с холодным спокойствием, хотя внутри меня что-то сжималось. Этот приезд... этот новый игрок... я знала, что это принесёт мне новые проблемы.

Когда её кортеж въехал во двор, я услышала, как женщины гарема начали перешёптываться громче. Шелест их голосов напоминал шелест сухих листьев перед бурей. "Она такая красивая", "Амаль вернулась", "Слышала, как все восхищаются ею?" – эти слова жалили, как тонкие иглы.

И вот она вышла.

Высокая, стройная, в элегантном платье, которое подчёркивало каждый её идеальный изгиб, Амаль двигалась, словно по подиуму. На голове темно-синий хиджаб, её кожа была безупречно светлой, как фарфор. Макияж — тонкий, почти незаметный, но подчёркивающий её идеальные черты. Она была похожа на вырезанную из льда королеву, холодную и невыразимо прекрасную.

Её глаза — тёмные, как ночное небо, с блеском презрения — задержались на мне. Я почувствовала этот взгляд, как удар. Не нужно было слов. Я прочла в её глазах всё: презрение, осуждение, ощущение собственного превосходства.

Я стояла, стараясь сохранить своё лицо спокойным, безразличным. Но внутри меня всё сжалось в тугую комочек. Это был не просто взгляд. Это был вызов. Амаль решила заранее определить, сколько я стою. И, конечно, результат её молчаливой оценки был не в мою пользу. Она смотрела на меня сверху вниз, несмотря на то, что наши глаза находились на одном уровне. Казалось, что этот взгляд прошивает меня насквозь, оставляя на коже невидимые ожоги.

Её тонкий нос едва заметно дрогнул, как будто она почувствовала какой-то неприятный запах, хотя вокруг пахло только свежими цветами. Это движение было таким мелким, почти неуловимым, но в нём читалось всё: отвращение и неприятие. Как будто она решала, достаточно ли я достойна, чтобы стоять с ней в одном дворце, или меня стоит отправить на кухню, чтобы я больше не портила её воздух.

Она шла ко мне медленно, плавно, как будто время замедлилось. Каждый её шаг был, как звук удара по барабану, отчётливый и неизбежный. Шлейф её платья едва заметно касался мраморного пола, но казалось, что это платье весит тонну, а она — единственная, кто может нести его с такой гордостью.

И вот она остановилась передо мной. Так близко, что я чувствовала её холодное дыхание, её ледяное присутствие. Это был не просто человек. Это была стена, глухая, равнодушная, непробиваемая.

— Так это ты — новая жемчужина дворца? — её голос был низким, обманчиво тёплым, но каждое слово скользило, как острое лезвие по коже. В её глазах горело пренебрежение, настолько яркое, что казалось, оно сейчас обрушится на меня потоком ледяной воды. — Не думала, что шейх может быть настолько... увлекающимся.

Её слова, сладкие, как мёд, обжигали меня сильнее огня. Это был удар — не по моей гордости, а по моему прошлому. Она знала. Конечно, знала. Легенда о том, как "чужестранка" появилась в этом дворце, давно разлетелась, как пыль на ветру. И она только начинала игру.

Я встретила её взгляд. Мои руки сжались в кулаки, но я не позволила себе ни слова, ни жеста, которые могли бы выдать мою боль. Я смотрела на неё так же спокойно, как на ледяной скульптурный фонтан во дворе. Да, она красива. Идеальна. И это делает её ещё опаснее.

Я хотела ответить, но в этот момент язык казался тяжёлым, как камень. Мои мысли метались, а её глаза не отрывались от меня, наслаждаясь этим моментом — моментом её маленькой победы.

"Увлекающимся," — эхом повторилось в моих мыслях, и я знала, что это слово останется со мной надолго.

Её голос тёк, как мёд, но в каждом слове была смертельная горечь. Словно вкрадчивое шипение змеи, которая уже нанесла укус, но всё ещё наслаждается своим искусством.

– Мусульманские женщины в Европе с таким прошлым никогда не будут жить в уважающем себя доме. Но что взять с немусульманских женщин?

В зале повисла тишина. Она давила, проникала в каждую трещину пространства. Я почувствовала, как на меня устремились десятки взглядов. Они были колючими, пронизывающими, будто все гости собрались, чтобы увидеть, как я сломаюсь.

Её слова били в самую глубину. В моё прошлое, в то, что я пытаюсь похоронить, в то, что я стараюсь оставить позади. Но эта женщина, эта надменная, ледяная Амаль, вытащила его наружу, выставила его на обозрение всех.

Моё сердце на мгновение замерло, а затем ударило так громко, что я услышала его стук в ушах. Грудь сдавило. Эти слова — словно невидимый хлыст, который полоснул меня по спине. Боль была реальной. Настоящей.

Я видела, как Амаль слегка склонила голову, как будто она невинно ждала моего ответа. Но в её тёмных глазах плескалось нечто иное. Она наслаждалась моментом. Её сладкая улыбка обжигала сильнее любого крика.

Вдох. Выдох.

Я почувствовала, как пальцы сжались в кулаки. Но я сразу же спрятала их за спиной. Нет, я не покажу слабости. Никогда. Никому.

Я подняла голову, позволила себе лёгкую, почти незаметную улыбку. Внутри меня всё горело, но я загнала это пламя внутрь, чтобы превратить его в оружие.

– Если в Европе всё так прекрасно и ничто не тревожит религиозные чувства, может, стоило задержаться там подольше?

Мой голос был мягким, как шёлк, но я почувствовала, как эти слова ударили в цель. Уголки её губ дёрнулись, словно она пыталась сохранить улыбку, но её глаза вспыхнули холодной яростью.

Она не ожидала. Не думала, что я отвечу. Не думала, что я осмелюсь.

Воздух в зале стал ещё тяжелее. Слуги застыли, гости замерли, словно смотрели за тихой, но смертельной дуэлью.

Амаль медленно выдохнула, её грудь слегка вздыбилась, но голос, когда она заговорила, оставался ровным:

– О, я вернулась туда, где мне самое место. В отличие от некоторых, я никогда не пыталась быть кем-то, кем не являюсь.

– Главное, – ответила я с той же спокойной уверенностью, – никогда не думать, что мир вращается вокруг кого-то... даже если он кем-то является

Её взгляд был острым, как лезвие, но я не отводила глаз. Я знала, что в этот момент нельзя было даже мигнуть. Это была борьба. Молчаливая, холодная война за место в этом дворце, за уважение, за право быть.

И я знала: я выстою.

Лицо Амаль дрогнуло, и на мгновение её надменная маска дала трещину. Её идеально очерченные брови сдвинулись, глаза сузились, превращаясь в две тёмные щели. Она была в ярости. Моё замечание достигло цели, ударило точно в ту точку, где её самолюбие оказалось беззащитным. Это было видно. Это ощущалось в воздухе.

Вокруг нас началось движение. Гости, стоявшие неподалёку, едва заметно перешёптывались. Кто-то прятал улыбку за веером, кто-то бросал на меня восхищённые взгляды, но большинство наблюдали со сдержанным интересом, как за смертельной схваткой. Здесь каждый знал: слово может ранить не хуже ножа, и сейчас на этом поле сражения было пролито достаточно невидимой крови.

Амаль, конечно, взяла себя в руки быстрее, чем я ожидала. Она подняла голову чуть выше, её осанка стала ещё более выпрямленной, как будто она строила стену между нами, из кирпичей собственного превосходства.

– Как видишь, – её голос был ровным, ледяным, но я слышала, как скрытая ярость звенела в каждом слове, – я вернулась сюда. А ты? Долго ли ты удержишься здесь, в этом доме?

Она смотрела на меня, выжидая, словно надеялась увидеть, как её слова поразят меня. Но я молчала. Просто смотрела ей в глаза с лёгкой улыбкой, которая, как я знала, должна была разжечь её ещё больше. Она ожидала, что я сломаюсь, что начну оправдываться или спорить. Но я уже слишком хорошо знала таких, как она. Оправдания и объяснения — это слабость. А слабость — это то, чего мне сейчас меньше всего позволено.

Молчание стало моим оружием. Оно било громче слов. Я видела, как её пальцы сжались в кулак, как едва заметное движение челюсти выдавало её раздражение.

Но её атака, без сомнения, продолжится.

Когда приём закончился, и я вернулась в свои покои, тишина показалась мне почти оглушающей. Комната встретила меня мягким светом и привычным уютом, но внутри всё ещё кипело. Я села на край кровати, сжав руками виски. Её слова крутились в моей голове, как песок в пустынной буре.

"Долго ли ты задержишься здесь, в этом доме?"

Она сказала это так, будто моё место во дворце — временная ошибка, которую вот-вот исправят. Как будто она уже видела, как меня вытесняют, оттесняют, выкидывают за ворота. Как будто я — грязное пятно на её идеальном мире.

Но я уже научилась справляться с такими, как она. Амаль была другой, но в то же время такой же, как Назира, Лейла и все те, кто смотрел на меня сверху вниз. Они не видели во мне равную. Они видели угрозу.

Я встала, подошла к окну. За ним дворец утопал в ночи, освещённый мягким светом фонарей. Где-то вдаль я заметила фигуру Амаль. Она прогуливалась по саду, её движения были плавными, уверенными, почти хищными.

Моё сердце заколотилось сильнее, но не от страха. Нет. Я не боюсь её. Больше не боюсь таких, как она.

"Ты не первая, кто пытается меня вытеснить," — подумала я, сжимая пальцы на подоконнике. "И, наверное, не последняя. Но теперь ты узнаешь, что такое сила тех, кого ты недооцениваешь."

Эта война только началась. И я знала, что она будет жёсткой, но я готова. Ради своих детей. Ради своей жизни. Ради себя.

Я сидела в кресле в своей комнате, глядя на молитвенный коврик, который недавно появился здесь по его приказу. Он лежал передо мной, идеально ровный, с зелёными узорами, которые будто отливали мягким сиянием. Я провела пальцами по его краю, чувствуя, как ткань отзывается холодной гладкостью. Этот коврик был больше, чем просто вещь. Это был жест. Символ. Напоминание о том, кем он был. О том, кто я теперь.

Мои мысли, словно дикие птицы, метались между прошлым и настоящим. Дети. Лиза. Шейх. Всё это смешивалось в моей голове, и я чувствовала, как внутри поднимается волна, готовая накрыть меня. Я сжала руки, пытаюсь успокоиться, но перед глазами стоял образ Лизы — её бледное лицо, неподвижные веки, слабый ритм дыхания, который казался чудом. Она всё ещё в коме. Она так близко, но всё равно недостижима. И каждый день этой тишины, её неподвижности, разрывал меня на части.

Глава 7

Но не только она. Я думала о нём. О мужчине, который, словно ураган, ворвался в мою жизнь и перевернул всё с ног на голову. Я закрыла глаза, и его образ вспыхнул передо мной.

Высокий, сильный, с осанкой, которая говорила о власти и уверенности. Его взгляд — этот обжигающий, глубоко проникающий взгляд — всегда заставлял меня чувствовать, что он видит меня насквозь. Его лицо было резким, словно высеченным из камня, с чёткими линиями скул, сильной челюстью, и эти глаза... глаза, которые могли быть одновременно ледяными и обжигающими, в зависимости от того, на кого он смотрел.

Я ненавидела, как сильно он воздействовал на меня. Как каждое его появление в комнате заставляло моё сердце сбиваться с ритма. Как его голос пробирался прямо в глубину моей души. Его власть. Его страсть. Всё это было разрушительным, но я не могла сопротивляться.

Его руки. Я вспомнила, как они касались меня. Сильные, твёрдые, но иногда такие мягкие. Как он смотрел на меня, когда думал, что я не замечаю. Этот взгляд, полный чего-то, что я боялась называть, но от чего моё сердце становилось тяжёлым.

Я открыла глаза и снова посмотрела на коврик. Это был не просто подарок. Это было приглашение. Приглашение в его мир. И я знала: если я хочу защитить своих детей, защитить Лизу, я должна принять это приглашение. Это не было только стратегией. Это был шаг к ним. К моим детям. К их безопасности.

Вечером я решила.

Я вошла в его покои, и мои шаги гулко отдавались в тишине. Он стоял у окна, его силуэт вырисовывался на фоне ночного неба, словно он был частью самого дворца. Белая одежда, плавно облегающая его широкие плечи, контрастировала с темнотой за окном. Свет от лампы ложился на его лицо, вырисовывая каждую линию, каждую черту.

Он повернулся ко мне, и его взгляд пронзил меня. Этот взгляд. Он всегда был таким — твёрдым, властным, но сейчас в нём было что-то ещё. Тепло. Волнение.

— Евгения, — его голос, низкий и обволакивающий, разорвал тишину, заставляя меня почувствовать, как кровь стучит в висках.

Я остановилась на мгновение, собираясь с мыслями, прежде чем сделать шаг вперёд.

— Я решила, — мой голос дрожал, но я продолжила, не отводя взгляда. — Я хочу принять ислам.

Я видела, как его лицо на мгновение застыло. Его глаза потемнели, словно он пытался осмыслить мои слова. А потом в них вспыхнула гордость. Радость. Это был тот момент, когда его взгляд стал теплее, чем я могла себе представить.

Он сделал шаг ко мне, а потом ещё один. Когда он оказался совсем близко, я почувствовала тепло его тела, его силу, которая исходила от него, как волна.

— Это твой выбор? — его голос был мягким, но твёрдым.

Я кивнула, ощущая, как слёзы подступают к глазам.

— Да, — произнесла я, и мой голос почти сорвался.

Он взял мою руку, его пальцы накрыли мою ладонь. Это прикосновение было сильным, но нежным, как будто он боялся меня сломать. Я подняла взгляд, смотря прямо в его глаза.

— Дай мне имя, мой господин, — прошептала я, чувствуя, как сердце бьётся где-то в горле.

— Как бы ты хотел называть меня?

Его губы дёрнулись в едва заметной улыбке. Он опустил глаза, словно обдумывая что-то, а затем снова посмотрел на меня, его взгляд был наполнен теплом и чем-то, что заставило моё сердце дрогнуть.

– Айлин, – произнёс он, его голос звучал так, будто он вкушал это имя на вкус. – Айлин Хаятти.

Я замерла.

– Что это значит? – спросила я, едва сдерживая слёзы.

– Это значит "Лунный свет и моя жизнь", – его слова обволокли меня, как тёплый ветер.

Я почувствовала, как одна слеза скатилась по моей щеке, но я не отвела взгляд. Он сжал мою руку крепче, и в этот момент я знала, что для нас началась новая глава.

На следующее утро я чувствовала себя странно — как будто шагнула на новую землю, где всё знакомое вдруг изменилось. Моё сердце ещё гудело от разговора с ним, от того, как он произнёс моё новое имя: Айлин Хаятти. Его голос, глубокий, бархатный, звучал в моей голове, как музыка, которую невозможно забыть. Но не успела я ощутить вкус этой перемены, как холодная реальность ударила меня в лицо.

Назира появилась, как грозовая туча, внезапно и неотвратно. Её взгляд скользнул по мне, словно нож, и на её губах появилась тонкая, натянутая улыбка.

– Ты думаешь, это сделает тебя своей? – её голос звучал мягко, но за этой мягкостью скрывался яд. – Какой смелый шаг!

Я смотрела на неё, стараясь не показывать ни капли боли. Внутри всё кипело, но снаружи я была спокойна, как озеро перед бурей.

Рядом с ней стояла Амаль, её высоко поднятая голова и слегка прищуренные глаза выдавали презрение. Её губы изогнулись в усмешке, едва уловимой, но такой язвительной.

– Среди истинных мусульман нет места для тех, кто пришёл извне, – бросила она, её слова звучали, как удар по лицу.

Я хотела ответить резче, громче, но вместо этого я лишь глубоко вздохнула и подняла подбородок. Я смотрела прямо в их глаза, чувствуя, как мои пальцы сжимаются в кулак под лёгкой тканью платья.

– Возможно для вас я никогда не стану истинной, но мои дети – ДА, – мой голос был ровным, почти шёпотом, но каждое слово звучало отчетливо и резко.

Назира лишь хмыкнула и отвела взгляд, словно я была ниже её внимания. Амаль кивнула матери, и обе, словно по молчаливому уговору, ушли, оставив за собой шлейф холода и презрения.

Я стояла одна, чувствуя, как сердце колотится в груди. Они не сломают меня. Никогда.

Вечером Амирт пришёл ко мне.

Я слышала его шаги ещё до того, как дверь открылась. Ровные, уверенные, почти гипнотические. Каждое его появление наполняло комнату чем-то неуловимо тяжёлым, но таким родным.

Когда он вошёл, я поймала себя на том, что задерживаю дыхание. Его фигура, выточенная, словно из мрамора, выглядела идеально даже в мягком свете ночной лампы. Он был одет в белый традиционный галабей, и эта простота только подчёркивала его магнетизм. Его лицо, серьёзное и спокойное, было сосредоточено, но в глазах светилось что-то, что я не могла назвать. Его глаза стали мягче, теплее. На его лице мелькнула едва заметная улыбка, но от неё у меня перехватило дыхание.

– Ты не представляешь, сколько это для меня значит, – сказал он, его голос стал тише, почти шёпотом. – Твое решение.

Я почувствовала, как внутри меня что-то дрогнуло. Он подошёл ближе, и я не могла отвести взгляд. Каждый раз, когда он был так близко, я чувствовала эту магнетическую силу, это притяжение, от которого мне было одновременно тепло и больно.

– Айлин Хаятти, – повторил он, словно запоминая.

Я не могла ответить. Всё, что я могла, это стоять и смотреть на него. И чувствовать, как внутри меня рождается новая часть меня. Та, что была создана для этого имени. Для него.

В день принятия ислама я проснулась с тяжёлым сердцем. Оно стучало так громко, что, казалось, его эхо разносилось по всей комнате. День был ясным, но для меня солнце казалось далёким. Я смотрела в зеркало, поправляя хиджаб, который Саида уложила на моей голове с особой тщательностью. Моё отражение было незнакомым, но не чужим. В глазах горел огонь, но в глубине затаился страх.

Когда я вошла в зал, где всё должно было произойти, мои шаги гулко отдавались в тишине. Имам стоял у окна, шейх — рядом с ним. Его высокий, внушительный силуэт был, как всегда, таким уверенным. Он повернулся, когда я вошла, и его взгляд встретился с моим. Тёплый, глубокий, обжигающий. От одного этого взгляда я почувствовала, как что-то дрогнуло внутри. Его глаза... Они всегда были загадкой. Полные силы и власти, но иногда они светились чем-то, что я не могла объяснить.

Он смотрел на меня так, будто всё вокруг исчезло, и в этом моменте были только мы. Его взгляд приковывал, удерживал, как цепь. Мои руки слегка дрожали, но я быстро спрятала их в складках своего платья.

Имам начал говорить, и я повторяла за ним. Слова звучали тяжело, но с каждым произнесённым слогом я чувствовала, как сбрасываю с себя что-то старое, что-то ненужное. Прошлое. Каждое слово, произнесённое мной, звучало, словно удар по цепям, которые так долго держали меня.

Моё сердце билось всё быстрее. Когда я закончила, моё дыхание было рваным, но глаза наполнились слезами. Эти слёзы были странными — смесь боли, радости и чего-то ещё. Чего-то, что я боялась назвать. Я посмотрела на шейха. Он всё это время наблюдал за мной, не сводя взгляда.

Его глаза... Теперь в них была гордость. Настоящая, глубокая, не скрытая никакими масками. Его лицо оставалось сдержанным, но я видела, как уголки его губ чуть приподнялись. Он был тронут. И я знала, что эти мгновения останутся с нами навсегда.

Он подошёл ко мне. Его шаги были медленными, но каждая секунда, пока он шёл, казалась вечностью. Он остановился совсем близко, взял мою руку. Его прикосновение обжигало, пальцы крепкие, уверенные.

– Ты теперь не просто женщина в этом дворце, – его голос был тихим, почти шёпотом, но каждое слово резонировало глубоко внутри меня. – Ты — часть меня.

Эти слова пронзили меня, по телу прошла волна горячего электричества. Я ощутила, как радость и боль переплетаются внутри. Я не знала, что ответить. Моё сердце гулко стучало, а душа дрожала, как натянутая струна.

Но радость от этого момента длилась недолго. Уже после церемонии, когда я вернулась в свои покои, ко мне подошла Назира. Её лицо было каменным, но в её глазах горела ярость, спрятанная за тонкой вуалью высокомерия.

– Ты думаешь, что всё это сделает тебя своей? – начала она, её голос был мягким, но слова обжигали, как огонь. – Ты можешь сменить веру, можешь взять любое имя, но ты никогда не станешь частью этой семьи. Это просто очередной шаг, чтобы укрепить своё положение. Но ты всё равно падёшь.

Я смотрела на неё, чувствуя, как внутри поднимается волна гнева. Но я больше не та, кто ломается под её нападками. Я глубоко вдохнула, подняла подбородок и, глядя прямо в её глаза, ответила:

– Посмотрим, Назира. Может быть, я и паду. Но мои дети родятся мусульманами. И будут иметь все права.

Её лицо дрогнуло. Впервые я увидела в её глазах что-то похожее на растерянность. Но это длилось всего мгновение. Она лишь кивнула, бросив на меня ледяной взгляд, и ушла, оставив за собой шлейф холода.

Я стояла у окна, смотрела на сад, на деревья, чьи ветви покачивались под лёгким ветром, и чувствовала, как внутри воцаряется странное спокойствие. Это было только начало. Начало пути, который я выбрала ради своих детей, ради своей семьи. Ради него.

Глава 8

Шейх вошёл в мои покои, как всегда, не постучав. Его присутствие заполнило собой всё пространство – я даже чувствовала, как воздух стал плотнее, а сердце заколотилось быстрее. Он остановился рядом, его глаза словно сверлили меня. Темнота в них всегда была такой глубокой, что я не могла понять, тепло это или ледяное равнодушие.

– Завтра начнёшь учиться, – сказал он. Его голос был твёрдым, не допускающим возражений.

Я вздрогнула, но тут же взяла себя в руки. Он любил силу, и слабость, даже самую мелкую, не прощала.

– Учиться? – переспросила я, стараясь не выдать своего удивления.

– Арабский, Айлин. Это важно. – Его взгляд задержался на мне. – Для тебя. Для детей.

Я почувствовала, как слова обрушиваются на меня, будто раскалённый песок пустыни. Всё, что я делала, всё, что пыталась доказать, всё ещё было недостаточно. Он хотел большего. Требовал большего. И если я хотела удержаться в его мире, я должна была выучить этот язык. Этот странный, чужой, полный особенных знаков и звуков язык.

– Я сделаю это, – выдохнула я, подняв голову. Мой голос прозвучал увереннее, чем я сама чувствовала.

Он склонил голову, его взгляд был одновременно оценивающим и одобряющим. Словно бы он видел меня насквозь, видел моё сомнение, мою неуверенность. Но этого уже было достаточно, чтобы я поняла: отступать нельзя.

Я вошла в просторную комнату, предназначенную для занятий, с чувством, будто меня ведут на суд. Солнечный свет лился через огромные окна, окрашивая стены тёплым золотым светом. Два учителя – мужчина и женщина – поднялись при моём появлении. Их строгие, сосредоточенные лица сразу дали понять: это не будет легко.

– Айлин, – представилась я, склонив голову.

– Госпожа Айлин, – поправил меня мужчина, а в его голосе я уловила не осуждение, но лёгкое нетерпение. – Здесь вы будете ученицей, но не забывайте о своём статусе.

"Статус? Какой статус?" – мелькнуло в голове. Я здесь чужая. Никто не видит меня иначе.

Женщина-учитель разложила передо мной книги и тетради. Арабские буквы казались танцующими. Я ощутила, как слабость и страх подступают к горлу.

– Ваш прогресс зависит только от вашего усердия, госпожа, – спокойно произнёс мужчина.

Первые уроки давались мне, как восхождение на вершину горы, острее которой я пока не встречала. Звуки, интонации, слова – всё звучало так чуждо, что у меня кружилась голова. Каждый раз, когда я ошибалась, я видела это: лёгкий отблеск разочарования в глазах учителя.

Я сдерживалась, но внутри всё горело. Словно кто-то засовывал в меня раскалённые иглы.

Когда они вышли, оставив меня наедине с тетрадями, я долго сидела, уставившись в одно место. Мои руки дрожали. "Я не справлюсь", – мелькнула мысль, как молния, разорвавшая мой разум.

И тут я вспомнила его глаза. Его голос. Эти простые слова: "Это важно". Важно для меня. Для детей. Для него.

Я схватила ручку, почти вырвав страницу в тетради, и начала писать заново. До последнего звука, до последней буквы. Моё горло сдавило от напряжения.

"Ты сможешь, Айлин. Ты сможешь", – шептала я себе, как мантру, пока солнце не закатилось, а вместо него в комнату не проник серебристый свет луны.

Я стояла в уголке сада, сжимая в руках небольшой учебник арабского. Свежий воздух смешивался с терпким ароматом жасмина, но мне казалось, что он только усиливал мою головную боль. Слова путались в голове, тянулись за собой невнятные окончания, и каждая буква казалась мне врагом.

Я произнесла слово вслух, осторожно, боясь сломать его, как хрупкий сосуд:

– Аль-... аль-мадраса...

Голос, раздавшийся за моей спиной, заставил меня вздрогнуть:

– *Аль-мадраса?* Это «школа», не так ли? Или ты уже забыла, что читаешь учебник для детей?

Амаль. Её голос был сладким, как перезрелый инжир, но ядовитым. Я медленно обернулась, стараясь не выдать своё раздражение. Она стояла в своём идеальном наряде – лёгкое платье из шёлка обвивало её фигуру, а длинные тёмные волосы, словно водопад, струились по спине. Её лицо было таким красивым, что хотелось ненавидеть её ещё сильнее.

– Ты что-то хочешь, Амаль? – спросила я как можно спокойнее, но внутри всё кипело.

Она сделала шаг ближе, скрестив руки на груди, и усмехнулась.

– Ничего особенного. Просто услышала, как ты... мучаешь наш язык. И решила помочь. Её слова резали, как тысячи осколков стекла.

– Даже язык этого дома для тебя чужой, – продолжала она, глядя на меня, как на грязное пятно. – Думаешь, ты сможешь стать кем-то здесь, если не понимаешь ни слова?

Мои пальцы сжали учебник так сильно, что я услышала, как треснула обложка. Я чувствовала, как гнев, смешанный с обидой, поднимается от груди к горлу, как рёв океанской волны. Но я знала: она этого и ждёт. Она хотела увидеть меня слабой, униженной.

Я глубоко вздохнула, вытянула плечи и подняла голову.

– Ты так уверенно говоришь о чужих, – медленно начала я, пристально глядя ей в глаза. – Но разве ты не была такой же, когда тебя взяли в этот дом? Разве ты не пришла в эту семью, как и я?

Её улыбка замерла на полуслове.

– Разница только в том, что я не намерена оправдываться перед тобой, Амаль, – добавила я, чувствуя, как слова рвутся из меня, как огонь. – Я вошла в этот дом, и я собираюсь сделать всё, чтобы принадлежать этой семье. Мне плевать на то, что думаешь ты.

Я не отводила от неё взгляда. Её карие глаза, такие тёплые на первый взгляд, теперь металы молнии, как раскалённая лава. Она на миг замерла, словно не верила, что я, та самая «чужая», осмелилась бросить ей вызов.

– Ты... – начала она, но голос её дрогнул. – Ты никогда не станешь частью этой семьи.

– Это уже не тебе решать, – спокойно, но твёрдо ответила я.

Её лицо исказилось от гнева, пальцы сжались в кулаки. Казалось, она вот-вот бросится на меня, но вместо этого Амаль резко развернулась, её платье вспыхнуло под лучами солнца, как огонь, и она почти бегом скрылась в аллее.

Я осталась одна. Мои колени дрожали, и я обессиленно прислонилась к дереву, пытаюсь унять бешеный стук сердца. Но где-то внутри разлилось странное тепло. Я выиграла. Пусть маленькую, но всё же победу.

Я подняла голову к небу, зажмурившись от света.

Карандаш дрогнул в моей руке, оставив на тетради тонкую кривую линию, похожую на трещину. Я подняла глаза на учебник и снова всмотрелась в непонятные завитки арабских

слов. Они словно насмехались надо мной, плясали перед глазами, исчезали, стоило мне на долю секунды отвлечься.

– Аль-китаб... Аль-китаб... – повторяла я шёпотом, стараясь вложить правильное произношение в каждый звук.

Слова казались кусками разбитого стекла, которые я пыталась собрать воедино, но вместо этого лишь резалась осколками. Голос начал дрожать. Гортанные звуки не поддавались, превращались в уродливую пародию на то, как их произносили учителя. Всё, что я слышала, – это собственное бессилие.

Учебник захлопнулся с глухим хлопком, и я упала спиной на спинку стула. В висках стучало, воздух казался тяжёлым, и я чувствовала, как стены комнаты начинают давить на меня. Моё одиночество громоздилось в углах, тенью наблюдая за каждым моим движением.

Я протёрла глаза, но вместо облегчения ощутила лишь горячие слёзы, ползущие по щекам. «Нет. Я не могу себе этого позволить», – пронеслось в голове. Я взяла другой учебник и снова открыла его на первой странице.

– Я его выучу! Так быстро как смогу! – прошептала я себе. Слова звучали как мантра, как заклинание, которое я повторяла, чтобы не упасть окончательно.

Мой шейх... Как все изменилось между нами, но никогда не было уверенности, что он полностью мой... Я думала о его глазах. О тех холодных, непреклонных глазах, которые редко показывали тепло. О том, как он смотрел на меня, когда сказал: «Это важно». Эти слова были для него аксиомой, не подлежащей обсуждению. Если я не смогу, он увидит во мне слабость. Он поверит, что они – Амаль, Лейла, все эти люди – были правы.

Но я не позволю им победить. Никому.

Моё дыхание стало тяжёлым, пальцы судорожно сжали карандаш. Всё тело дрожало от усталости, но я заставила себя начать заново:

– Аль-китаб... Аль-китаб...

Внезапно дверь в мои покои приоткрылась. Звук был тихим, почти неслышным, но в полной тишине комнаты он прозвучал, как гром. Я подняла голову, и моё сердце замерло.

Он.

Шейх стоял в дверном проёме, не двигаясь, как будто впитывал всё, что видел. Его фигура освещалась мягким светом из коридора, но его глаза, эти бездонные, тёмные глаза, были сосредоточены только на мне.

Я поспешно вытерла лицо рукой, хотя знала, что он всё заметил. Я выпрямилась, стараясь не показать, как сильно трясутся мои руки.

– Ты слишком много работаешь, – сказал он тихо, его голос разрезал воздух.

Его тон был мягким, но в нём звучала властная нотка. Он не спрашивал – он утверждал. Его шаги были почти беззвучны, когда он подошёл ближе. Я почувствовала, как его присутствие заполнило комнату, вытеснив все мои страхи, все сомнения, но оставив одно: мою боль.

Я опустила глаза на тетрадь, не выдержав тяжести его взгляда.

– Я должна, – ответила я, и мой голос дрогнул. – Это важно.

Я осмелилась поднять взгляд и встретила с его глазами. Там не было привычного холода. Его взгляд был другим. Глубже. Мягче. Он смотрел на меня так, будто видел не только меня, но и мою борьбу. Мою усталость. Мою решимость.

Он медленно протянул руку и коснулся моего плеча. Это прикосновение было почти невесомым, но от него по моему телу прошла теплая волна, согревая мои измотанные нервы.

– Ты слишком упрямая, – сказал он, но в его голосе слышалась гордость.

Я ничего не ответила, потому что не могла. Моё горло сжалось, и слова застряли где-то между сердцем и разумом.

Он склонился чуть ближе, и его тихий голос, обволакивающий, прозвучал у самого моего уха:

– Я вижу, как ты стараешься, Айлин. Это достойно уважения. Я оценил...

Моё сердце замерло. Эти слова, произнесённые так просто, так непринуждённо, казались лучшей наградой за часы борьбы.

Он посмотрел на меня ещё раз, его глаза смягчились, и он медленно отошёл к двери.

– Но не забывай: ты нужна не только детям, но и мне.

С этими словами он исчез за дверью, оставив меня наедине с бешено стучащим сердцем и эмоциями, которые я не могла осознать.

Я провела пальцами по плечу, где всё ещё ощущалось тепло его руки, и прошептала:

– Ради них. Ради него. Ради себя. Я справлюсь. Я должна.

Глава 9

Вечер окутал город золотыми огнями, но в шикарном загородном доме на окраине всё тонуло во тьме. Единственный свет шёл от старой лампы, висевшей над круглым деревянным столом. Он освещал две фигуры, чьи тени, извиваясь, напоминали змей, готовящихся нанести удар.

Лейла сидела на краю стула, её идеально ухоженные ногти постукивали по деревянной поверхности в бешеном ритме. Она была напряжена, словно натянутая струна, а её взгляд метался по комнате, как у зверя, загнанного в клетку. Каждый её вдох был пропитан яростью.

– Она... – её голос дрожал от гнева. – Эта жалкая, ничтожная Рыжая тварь. Это она обо всем догадалась. И ей все помогают. Предатели чертовы!

Лейла вскочила, облокотившись на стол, и её длинные волосы, словно водопад, упали на плечи. Её глаза горели ненавистью.

– Я была всем для него! – почти закричала она, её голос пронзил комнату, как осколок стекла. – Матерью его детей, его любимой! И что теперь? Теперь он глаз с нее не сводит. Потакет во всем. Дочку ее притащил...

Шахид сидел напротив, развалившись в кресле. Его холодное, почти равнодушное лицо резко контрастировало с яростью Лейлы. Он смотрел на неё, слегка прищурившись, будто изучал хищника, готового сорваться с цепи.

– Ты теряешь контроль, – наконец произнёс он, спокойно, даже лениво.

– Теряю? – Лейла повернулась к нему, и её голос сорвался. – Я уже потеряла всё! Дом. Своё место рядом с ним. Мою жизнь. Всё из-за этой...

Она осеклась, закрыв лицо руками. На мгновение в её голосе мелькнула не только ненависть, но и боль. Боль женщины, которая была вычеркнута из жизни, которую она считала своей.

Шахид откинулся назад, с усмешкой наблюдая за её вспышкой. Он знал Лейлу давно, знал её амбиции и жажду власти. Именно поэтому она была для него идеальным союзником в борьбе за трон.

– Успокойся, – произнёс он, его голос прозвучал как холодный нож. – Крики тебе не помогут. Если хочешь вернуть своё место, нужно действовать умнее.

Лейла медленно опустилась обратно на стул, глубоко вздохнув. Её лицо было маской ярости и решимости.

– Что ты предлагаешь?

Шахид слегка наклонился вперёд, и в его глазах блеснул огонёк, опасный, как огонь под порохом.

– Нужно ударить по самому больному месту, – произнёс он, не сводя взгляда с Лейлы. – Её дочь.

Слова прозвучали так спокойно, что Лейла на миг не поняла их смысла. Но когда до неё дошло, она замерла.

– Что? – прошептала она, её голос охрип.

Шахид усмехнулся, словно наслаждаясь её реакцией.

– Её дочь – это её слабость. Ты сама говорила, что она готова на всё ради неё. Если мы отключим её от аппаратов, это нанесёт такой удар, что она не выдержит. Будут преждевременные роды и дети не выживут... Близнецы это не так-то просто.

Лейла широко распахнула глаза. Её руки непроизвольно сжались в кулаки, а сердце замерло. Она знала, что Шахид жесток, но это... Это было слишком даже для неё.

– Ты с ума сошёл, – сказала она, но в её голосе не было уверенности.

– Ты хотела вернуть своё место? – Шахид встал, его фигура казалась огромной в свете единственной лампы. – Хотела избавиться от неё? Это единственный способ.

Лейла отвела взгляд. Внутри неё боролись два чувства – страх и ярость. Она ненавидела Айлин, ненавидела за то, что та отняла у неё всё. Но мысль о том, чтобы причинить вред ребёнку, вызвала у неё дрожь.

– Это должно выглядеть, как трагическая случайность, – тихо произнесла она, наконец подняв глаза на Шахида.

Его улыбка стала шире, почти торжествующей.

– Разумеется. Если шейх заподозрит нас, нам не жить.

Лейла сделала несколько шагов по комнате, её каблук глухо стучали по полу. Она пыталась собрать мысли, но внутри неё всё кричало. Шахид был прав. Айлин стала слишком сильной. Если её не остановить сейчас, она заберёт всё.

– Хорошо, – произнесла она, останавливаясь у окна. Её голос звучал холодно, как металл.

– Мы сделаем это. Но я не хочу видеть её лицо.

Шахид подошёл ближе, и его рука легко коснулась её плеча.

– Ты сделала правильный выбор, – произнёс он, его голос был мягким, но в нём слышалась тень триумфа.

Лейла ничего не ответила. Она смотрела в окно на свет города, на жизнь, которая кипела где-то там, вдали от её боли и ярости. Но она знала одно – она готова пойти на всё, чтобы вернуть своё место. Даже если для этого придётся разрушить жизнь Айлин.

В комнате повисла зловещая тишина, нарушаемая лишь потрескиванием лампы. Тайный заговор был заключён, и теперь оставалось только дождаться момента, чтобы нанести удар.

Слабый свет ночника в комнате Лизы с трудом пробивался сквозь плотные шторы. За стенами стояла глубокая ночь, но даже её тишина не могла скрыть напряжения, которое витало в воздухе. Где-то в коридоре слышались лёгкие, осторожные шаги.

Молодая женщина в чёрной абая, с платком, закрывающим волосы, остановилась у двери служебного помещения. Она ещё раз обернулась, чтобы убедиться, что за ней никто не следит. Её сердце колотилось, как будто его заперли в клетке.

– Нельзя привлекать внимание, – тихо прошептала она себе и, вдохнув поглубже, вошла.

За столом, заваленным бумагами и папками, сидела врач Рамира. Женщина в белом халате не сразу подняла глаза, её лицо, освещённое только экраном компьютера, казалось усталым. Она не ожидала посетителей в столь поздний час.

– Вы кто? – резко спросила она, оторвав взгляд от монитора.

– Это не важно, – ответила служанка, делая шаг ближе. Её голос был глухим, но в нём слышалась твёрдость. Она держала руки перед собой, словно пытаясь доказать, что не угрожает.

– Вы знаете, кто я. Точнее, для кого я пришла.

Врач замерла, её глаза сузились. В воздухе повисла напряжённая пауза.

– Лейла, – тихо произнесла врач, словно это имя могло что-то изменить. Её пальцы нервно потянулись к карману халата, но там ничего не было. – Я больше не хочу с этим связываться.

– У вас нет выбора, – служанка сделала ещё шаг вперёд, её голос стал жёстче. – Вы знаете, что Лейла не забывает услуги. Но также она не забывает и тех, кто отказывается помочь. Нужно убрать девчонку...отключите аппараты...

Врач отвела глаза. Её руки дрожали, и она машинально потянулась к кружке с холодным чаем.

– Это риск, – прошептала она, словно пыталась оправдать своё колебание перед самой собой.

Служанка наклонилась ближе, её голос стал тихим, как шёпот змеи:

– Вы будете вознаграждены. И никто ничего не узнает, если вы сделаете всё правильно. Это просто... небольшая неисправность. Оборудование иногда ломается, верно? Вы ведь можете убедить в этом любого.

Врач резко подняла голову, её глаза блеснули от гнева и страха.

– А если что-то пойдёт не так? Если шейх...

Служанка подняла руку, останавливая её.

– Вам за это заплатят, – произнесла она, медленно вытягивая из-под своей абаи небольшой конверт. Его золотистый край блеснул в слабом свете. – Этого хватит, чтобы вы никогда больше не волновались.

Врач смотрела на конверт, словно он был проклятым. Её лицо исказилось от внутренней борьбы.

– У меня семья... – прошептала она.

– А у Лейлы – дети, – отрезала служанка. – И она потеряла их отца из-за этой девчонки. Вы хотите встать на её пути?

В комнате стало невыносимо тихо. Только слабый гул оборудования и редкие шаги по коридору за дверью напоминали, что мир продолжает жить.

Наконец, врач протянула дрожащую руку. Её пальцы сжали конверт, и она быстро спрятала его в карман белого халата.

– Я сделаю это, – сказала она почти шёпотом, её голос дрожал.

– Умница, – служанка улыбнулась, но в её улыбке не было ни капли тепла. – И помните, это должно выглядеть, как случайность. Оборудование иногда ломается, особенно вне стен больницы. Никто не заподозрит, если всё будет сделано правильно.

Врач кивнула, не поднимая глаз, затем резко встала, будто боялась, что если останется ещё на секунду, то передумает. Она быстрыми шагами вышла из комнаты, её халат чуть развеялся за ней, скрывая конверт, спрятанный где-то в складках ткани.

Служанка осталась стоять в тени. Она сделала своё дело. Теперь всё было в руках врача и... судьбы.

Тёмные коридоры больницы казались бесконечными, но её шаги звучали уверенно. Она знала, что Лейла будет довольна. Теперь оставалось только ждать, когда тьма начнёт своё дело.

Глава 10

Я проснулась внезапно, словно кто-то вырвал меня из тяжёлого сна. Грудь сдавило, как будто меня придавило что-то невидимое, но невыносимо тяжёлое. Сердце билось так громко, что казалось, его эхо разносится по комнате. Я лежала в полной темноте, пытаюсь понять, что именно разбудило меня.

Холодный пот стекал по вискам. Воздух в комнате стал плотным, тягучим, словно его не хватало, чтобы сделать хоть один нормальный вдох. Но я дышала. Часто, судорожно, хватая ртом воздух, будто утопающий.

И вдруг это чувство. Лиза. Мысль о ней ударила в голову, как молния. Она заполнила собой всё. Её образ вспыхнул перед глазами — её маленькие ручки, светящиеся глаза, такой хрупкий, но полный жизни смех. Я почувствовала, как паника закрадывается в каждую клетку моего тела.

– Лиза, – прошептала я, вслушиваясь в темноту, как будто могла услышать её дыхание через стены.

Я попыталась убедить себя, что всё хорошо. Всё *должно* быть хорошо. Это просто дурной сон. Эти кошмары преследовали меня всё время с тех пор, как она оказалась прикована к этим ужасным аппаратам.

"Она в порядке. Всё под контролем," – говорила я себе, но голос внутри меня твердил обратное. Это было нечто большее, чем страх. Это было интуитивное знание, которое я не могла заглушить.

Мои ноги, словно ведомые чем-то извне, коснулись холодного мраморного пола. Я не помню, как встала с кровати. Моё тело двигалось механически, как марионетка, управляемая невидимой рукой. Я машинально набросила шёлковый халат, но не почувствовала тепла ткани.

– Это просто сон, – прошептала я в темноту, словно кому-то, кто мог меня услышать. – Только сон...

Но что, если это не сон? Что, если я опоздаю?

Мои ноги понесли меня вперёд. По коридору, через холодные залы дворца. Пол, как всегда, был идеально чистым, но теперь он казался ледяным, как сама смерть. Шаги раздавались гулко, слишком громко. Или это просто было эхо моего страха?

Я ускорила шаг, сердце сжалось в груди так, что, казалось, я сейчас задохнусь.

"Что-то не так. Что-то случилось."

Каждый поворот коридора тянулся бесконечно, но я всё шла и шла. Мои руки тряслись, я прижимала их к груди, словно пыталась удержать эту нарастающую панику.

– Лиза... – сорвалось с моих губ, хрипло, едва слышно.

Каждая секунда казалась вечностью. Я слышала лишь собственное дыхание и невыносимый гул крови в ушах. Я не бежала – ноги будто окаменели, но и стоять я не могла. Что-то внутри подсказывало: если я остановлюсь, всё закончится.

Подойдя к двери её комнаты, я замерла. Мои пальцы дрожали, когда я коснулась холодной ручки. Сердце замерло. Я знала, что должна войти. Но я боялась. Я боялась того, что могла увидеть.

"Это просто сон. Просто дурной сон. Открой дверь."

Я сжала ручку, вдохнула, пытаюсь собрать остатки мужества, и толкнула дверь.

Тьма. Лишь слабый, приглушённый свет ночника в углу. Аппараты. Их тихий, привычный писк должен был встретить меня, как всегда. Я напряглась, прислушиваясь.

Тишина.

Мир рухнул в один миг.

Аппараты, которые должны были издавать этот спокойный ритмичный звук, молчали. Ни одного писка. Ни одного мерцающего индикатора. Я замерла, не понимая, что происходит. Всё внутри меня будто замерло, но сердце продолжало биться слишком быстро, слишком громко.

– Нет... – вырвалось из моего горла. Я шагнула вперёд, чувствуя, как дрожат мои ноги.

Мой взгляд упал на кроватку Лизы. Её маленькое тело лежало так тихо, так неподвижно.

– Лиза? – голос сорвался. Я сделала ещё шаг. – Лиза!

Я бросилась к ней. Мои руки тряслись, когда я дотронулась до её щёчки. Холодная. Я схватила её маленькую ручку – такая хрупкая, такая безжизненная. Холод. Только холод.

– Нет... Нет-нет-нет! – я кричала, захлёбываясь в собственных слезах. – Проснись! Лизонька, милая, пожалуйста, открой глазки! Пожалуйста!

Я трясла её маленькое тело, снова и снова шёпотом умоляя её вернуться ко мне. Моё дыхание сбилось, я больше не чувствовала ничего, кроме паники.

Но её глаза не открылись. Она не дышала. Её сердце больше не билось.

Я закричала. Крик был громче, чем я могла себе представить. Он разрывал меня изнутри, будто мои лёгкие, моё сердце, всё, что было во мне, разрывалось на куски.

Это был не просто крик – это был мой последний остаток надежды, вырванный у меня с мясом.

Я рухнула на пол, прижимая её к себе, как будто могла вернуть ей жизнь. Как будто могла согреть её своим теплом.

Мир остановился. Тишина вокруг была громче любых звуков. Всё исчезло. Осталась только она. Моя Лиза. Моя девочка. Моя маленькая жизнь. И её больше нет.

Я трясла её маленькое тело, чувствуя, как её ручки, такие хрупкие, такие нежные, уже не отвечают мне.

– Лиза! Лизонька, милая, открой глазки! Ты слышишь меня? Пожалуйста! – шептала я, срываясь на крик.

Я не могла остановиться. Мои руки снова и снова касались её щёк, я тёрла их, пытаюсь согреть. Держала её лицо в ладонях, смотрела в её неподвижное, слишком спокойное личико. Она просто спит. Просто спит! Я слышала это в своей голове, как мантру. Но её кожа была холодной. Холодной, как мрамор.

– Пожалуйста... пожалуйста... очнись... – мой голос сломался, превратившись в какой-то нечеловеческий звук. Я трясла её, как будто могла встряхнуть её душу, вернуть её к жизни. Но она молчала.

И тогда это случилось. Мир рухнул. Я почувствовала, как трещина проходит через всё моё существо. Как будто кто-то вырвал у меня сердце, но боль осталась, разлилась по всему телу, заполнив каждую клетку.

Я закричала снова. Крик вырвался из моего горла, разрывая тишину ночи. Это не был обычный крик – это был рёв раненого зверя. Это был звук отчаяния, боли, которая ломает всё. Я кричала так, что казалось, стены вокруг вот-вот обрушатся.

– Нет, нет, нет! Этого не может быть! Ты не можешь так просто уйти, Лиза! Ты же моя девочка... моя Лиза... ты не можешь!

Слёзы струились по моим щекам. Горячие, обжигающие, как кислота. Я не могла остановить их. Они стекали по моим губам, горькие, как яд, но я не замечала. Внутри меня уже ничего не осталось.

Я опустила на колени перед её кроватью, прижимая её маленькое, холодное тело к своей груди. Я держала её так, как держала впервые, когда она появилась на свет. Тогда она была такой тёплой, такой живой, её глаза светились, она была всей моей жизнью.

– Если бы я могла, я бы отдала тебе свою жизнь, слышишь? – прошептала я сквозь рыдания. Мой голос ломался, слова были рваными, как осколки. – Возьми её. Возьми всё, что у меня есть, только вернись. Вернись ко мне, милая. Вернись...

Но ответом была тишина. Её глаза не открылись. Её маленькие губки не издали ни звука. Лиза ушла. Ушла навсегда.

Я закусила губу до крови, пытаюсь удержать себя в реальности, но не могла. Всё вокруг стало чёрным. Не было больше света, не было надежды, не было смысла.

Я вспоминала, как держала её крошечное тело впервые. Её первый смех. Её глаза, наполненные жизнью, когда она смотрела на меня. Её голос, шепчущий "мама". И всё это исчезло. Ушло. Её больше нет.

Я закрыла глаза, прижимая её к себе, как будто могла спрятать её от этого мира. Как будто могла спрятать её даже от смерти.

– Я не могу без тебя, Лиза... – всхлипывала я, раскачиваясь на полу. – Ты – всё, что у меня было. Всё...

Внезапно, как удар молнии, меня пронзила резкая боль. Она была такой сильной, что я сначала не поняла, что происходит. Внизу живота всё разрывалось. Боль словно вырвалась из меня, заставив вскрикнуть.

Я прижала руки к животу, пытаюсь сдержать этот напор, но это было бесполезно. По ногам потекла вода и кровь.

– Нет... нет... – прошептала я, с трудом дыша.

Я упала на бок, обхватив себя руками, словно могла защитить тех, кто был внутри меня. Моё тело больше меня не слушалось. Схватки стали резкими неожиданными, боль – невыносимой.

– Нет... пожалуйста... ещё не время, – шептала я сквозь слёзы. – Мои маленькие... держитесь. Пожалуйста, держитесь.

Мир вокруг превратился в туман. Я не видела больше ничего. Я не чувствовала больше ничего, кроме боли, которая рвала меня изнутри, и ужаса от мысли, что могу потерять их.

– Вы – всё, что у меня осталось, – шептала я. – Я не могу потерять и вас... Не могу...

Мои руки судорожно сжались на животе, словно я могла удержать их внутри. Я цеплялась за этот тонкий шанс, за жизнь, которая ещё не угасла.

Боль становилась всё сильнее. Я почувствовала, как моя голова кружится, как дыхание становится рваным. В глазах потемнело.

"Держитесь. Ради меня. Ради нас. Вы – всё, что у меня есть..." – были мои последние слова перед тем, как тьма поглотила меня.

Я лежала на полу, не чувствуя больше ничего, кроме пустоты и разрывающей тело боли. Лиза. Моя Лиза. Холод её тела всё ещё оставался на моих руках. Моё сердце кричало, но звуки будто застряли где-то внутри меня, сдавливая грудь, перекрывая воздух.

Я даже не заметила, как в комнату вбежали люди. Шаги, голоса – всё звучало глухо, как будто я находилась под водой. Кто-то из слуг что-то говорил, кто-то тряс меня за плечо, но я не могла понять их слов. Они все были неважны. Всё было неважно.

Я слышала только себя. Своё дыхание, рваное, хриплое. Свои мысли, которые звенели в голове, как разбитое стекло: "Лиза умерла. Моя дочь умерла."

И вдруг – его шаги. Тяжёлые, резкие, как удары грома. Шейх.

Я не видела его лица чётко. Всё перед глазами плыло – только тёмный силуэт в дверях, огромный, заполняющий весь мир. Его голос, властный, низкий, пробил эту тишину, в которой я тонула:

– Что здесь происходит?!

Я не могла ответить. Только хрип. Только рыдания, которые не давали мне дышать.

Его шаги раздались ближе. Тяжёлые, быстрые. Я почувствовала, как воздух вокруг изменился, стал напряжённым. Словно сам мир замер, когда он вошёл в комнату.

Он остановился. Я знала, что он видит её. Лизу. Лежащую в кровати. Неподвижную. Мою мёртвую дочь.

Я не видела его лица, но я чувствовала, как он сдерживает себя. Мертвеет. Как он, вероятно, хочет закричать, разбить что-то, сделать хоть что-то, чтобы избавиться от этой сцены, но вместо этого он остаётся недвижим. Он всегда так. Даже в самые страшные моменты.

Я почувствовала, как его тень накрыла меня, а затем его голос, низкий, но наполненный глухой яростью, прозвучал где-то над моей головой:

– Айлин.

Но я не могла ответить. Я лежала на полу, обхватив живот руками, мои слёзы заливали всё. Я уже не могла говорить, не могла кричать. Всё, что осталось – это жалкий шёпот.

– Спаси их, – выдавила я, почти теряя сознание. – наших малышей... Пожалуйста... спаси их.

Мои пальцы вцепились в свой живот, как будто я могла удержать жизнь, которая ещё билась внутри меня. Моя кровь кипела от боли, но мне было неважно, что будет со мной. Важно было только одно: они должны выжить.

Он опустился на одно колено рядом со мной. Я чувствовала его руку – сильную, тёплую – на своём плече. Это прикосновение вырвало меня из бесконечной пустоты на короткий миг. Я знала, что он рядом.

– Посмотри на меня, – его голос звучал требовательно, почти грубо, но я не могла. Мои глаза были закрыты, слёзы застилали всё. Я всхлипнула, пытаясь открыть рот, но вместо слов раздался только шёпот:

– Ты должен их спасти... ради меня... ради неё...

И тогда я почувствовала, как его руки обхватили меня. Он поднял меня с пола, легко, будто я ничего не весила. Я прижалась к его груди, а в его сердце, которое я слышала сквозь свои рыдания, билось всё так же ровно, так же сильно.

– Все будет хорошо НАШИ дети выживут. Они будут в безопасности, – сказал он, и эти слова эхом отдались во мне. Я хотела верить ему. Я должна была верить ему. Потому что он был моей последней надеждой.

Он крикнул что-то слугам, и всё вокруг вдруг пришло в движение. Люди засуетились, я услышала топот ног, быстрые фразы. Но я не могла сосредоточиться ни на чём, кроме его рук, которые держали меня так крепко, как будто он боялся, что я сломаюсь, если он отпустит.

Шейх вынес меня из комнаты. Я больше не могла держаться. Моё тело ослабело, боль разрывала меня изнутри, а слёзы больше не шли – я была слишком выжата.

Где-то вдали я услышала, как он приказал:

– Немедленно готовьте машину! Мы едем в больницу!

Но в тот момент всё, что я могла, – это шептать:

– Спаси их... пожалуйста... спаси...

Его взгляд – тот последний миг, когда я смогла поднять глаза – был сосредоточенным. В нём было что-то необратимое. Что-то, что говорило мне: он сделает это. Он спасёт их.

Я потеряла сознание, но даже в темноте продолжала цепляться за его слова. За его силу. За его обещание.

Я не помню, как мы добрались до больницы. Всё, что осталось в моей памяти, – это фрагменты. Яркие, невыносимо белые огни, которые резали глаза. Лица людей в масках, склонившихся надо мной, и их голоса – резкие, отрывистые, будто кричали через толщу воды. Мир вокруг был далёким, чужим, как будто я существовала в каком-то ином измерении, где боль была единственной реальностью.

Мои руки машинально обхватывали живот, как будто я могла защитить их. Как будто моё прикосновение могло удержать их внутри, живых, целых.

– Помогите... пожалуйста... помогите... – шептала я, едва слыша свой собственный голос.

Мой шёпот терялся в шуме, в этом хаосе вокруг меня. Врачи что-то говорили, их лица были сосредоточенными, но их слова не доходили до моего сознания. Всё, что я могла слышать, – это удары собственного сердца и голос внутри головы, твердящий одну мысль: "Они должны жить".

Меня несли на носилках. Я не помню, сколько людей было вокруг. Казалось, их было слишком много. Кто-то прижимал кислородную маску к моему лицу, чьи-то холодные руки трогали мою шею, руки, ноги, живот. Всё это казалось таким неправильным. Я была как кукла, которой управляли чужие руки. Но я не могла сопротивляться.

– Я вас заклинаю! Ради них... ради детей... они всё, что у меня осталось... – я шептала эти слова, как мантру, арабский оказывается я уже выучила достаточно, чтобы умолять, пока слёзы стекали по щекам. Я не знала, слышит ли меня кто-то, но я должна была это сказать. Должна была, потому что эти слова держали меня в реальности.

В какой-то момент одна из врачей наклонилась ближе, её глаза – тёмные, почти чёрные – встретились с моими. Она что-то говорила, её губы шевелились, но я слышала только гул в ушах.

– Пожалуйста, – я схватила её за рукав, пальцы дрожали, слабые, но цепкие. – Они должны жить... ради Лизы... ради меня...если они умрут я не смогу жить дальше!

Её лицо дрогнуло. Я заметила, как её глаза изменились – в них больше не было равнодушия. Она коротко кивнула, почти незаметно.

– Мы сделаем всё, что в наших силах, – сказала она, и я уцепилась за эти слова, как утопающий за спасательный круг.

Но мир вокруг меня становился всё дальше и дальше. Боль не отпускала. Она стала частью меня, как дыхание. Моя голова кружилась, я чувствовала, как тело ослабевает.

– Умоляю... – прошептала я, прежде чем всё поглотила тьма.

Глава 11

Всё вокруг расплывалось. Белые стены больницы, лица врачей, свет ламп – всё превратилось в серую, размывшуюся картину. Я задыхалась. Воздух, казалось, давил на грудь, не давая сделать ни одного нормального вдоха.

Боль. Она была везде. Она не отпускала, она разрывала меня изнутри, сжимая в тисках, которые не ослабевали даже на секунду.

– Дышите! Дышите, госпожа! – кричал кто-то из врачей.

Я не могла. Я пыталась, я честно пыталась, но каждый вдох был словно удар по лёгким.

– Я не могу... – всхлипнула я, чувствуя, как слёзы катятся по щекам.

Слова терялись в потоке боли. Я слышала, как вокруг что-то кричат, мелькают белые халаты. Кто-то пытался держать меня за руку, кто-то наклонялся ближе, говоря что-то ободряющее, но я ничего не понимала.

Боль перекрывала всё.

– Ради них, Айлин! Ради своих детей! – донёсся голос женщины-врача.

Дети. Мои дети.

Я стиснула зубы, пытаюсь подавить крик, но вместо этого он вырвался наружу – громкий, полный отчаяния и боли. Я схватилась за простыню, сжала её так сильно, что костяшки пальцев заболели.

"Они должны жить. Они должны жить ради Лизы, ради меня, ради нас..."

Внезапно я почувствовала, как боль на мгновение отступила, словно мир вокруг замер. Шаги. Тяжёлые, уверенные шаги. Я знала их. Даже сквозь пелену боли, даже на грани сознания, я знала, кто это.

Шейх.

Он вошёл в палату, его фигура мгновенно заполнила всё пространство. Врачи расступились перед ним, их движения замерли, словно время остановилось.

Я увидела его лицо. Оно было напряжённым, сосредоточенным, но в глазах был страх. Я никогда не видела такого взгляда у него. Он не говорил ни слова, только подошёл ближе, его тёмные глаза остановились на мне.

– Она слабеет, – произнесла одна из врачей, но её голос дрожал. – Мы делаем всё возможное, но...

– Делайте больше, – холодно бросил он, но его голос чуть дрогнул.

Я посмотрела на него, пытаюсь что-то сказать, но вместо слов вырвался хрип.

– Они... должны... жить, – прошептала я, и слёзы потекли по моим щекам.

Шейх посмотрел на меня, и в этот момент я увидела в его глазах то, чего никогда не видела раньше – боль. Настоящую, живую, разрывающую боль.

Он резко повернулся к дверям, и я увидела, что за ним стоял кто-то ещё. Мужчина в длинной одежде, с бородой и спокойным, но твёрдым взглядом.

Имам.

Я не понимала, что он делает здесь. Моё сознание плыло, слова шейха звучали как эхо, но их смысл пронзил меня, как удар молнии.

– Мы поженимся сейчас, – сказал он, его голос был холодным, но решительным.

Я замерла, не в силах ничего ответить.

– Это необходимо, – продолжил он, смотря прямо в глаза имаму. – Мы сделаем это, чтобы её честь была защищена. Чтобы наши дети были признаны.

Имам кивнул, его лицо оставалось спокойным, как камень.

– Это ваша воля? – спросил он, глядя на меня.

Я не могла ответить. Всё, что я могла, – это смотреть на шейха, ища в его глазах хоть что-то. Ответ. Уверенность. Что угодно.

– Айлин, – он шагнул ближе, его голос стал мягче. – Ты должна согласиться. Это для них. Для наших детей.

Я хотела сказать "да", но мои губы не слушались. Вместо этого я сжала его руку, которая теперь лежала на моей. И он понял.

– Она согласна, – сказал он, и его голос прозвучал как приговор.

– Согласна... – эхом прохрипела я.

Имам начал говорить молитвы. Его голос был тихим, ровным, но я слышала каждое слово. Вокруг были врачи, медсёстры, шум аппаратов, но в этот момент всё исчезло. Остались только он, я и наши дети, за которых я боролась.

Когда обряд завершился, боль вернулась с новой силой. Я кричала, выгибаясь на кровати, мои пальцы вцепились в руку шейха так сильно, что я почувствовала, как его кожа поддается под моими ногтями.

– Я не могу... – прохрипела я, слёзы застилали мне глаза.

– Ты можешь, – услышала я его голос. Он был рядом, его рука крепко держала мою. – Ты сильная. Ты всегда была сильной. Ради них. Ради нас. Ты справишься.

Эти слова, эти короткие, почти приказные слова стали для меня спасением. Я зажмурилась, стиснула зубы и собралась с последними силами. Он стоял у млей головы и держал меня за руку. В эти минуты я простила ему все...

– Головка показалась! – крикнула одна из врачей. – Ещё чуть-чуть!

Я чувствовала, как боль нарастает, как она разрывает меня на части. Моё тело больше не принадлежало мне. Но где-то внутри была слабая искра. Это были они. Мои дети.

– Давай, Айлин! – голос шейха был напряжённым, но я слышала в нём силу.

И я толкнула. Из последних сил, из последних капель энергии, которые у меня оставались. Я чувствовала, как что-то внутри меня меняется, как новая жизнь вырывается наружу.

И вдруг – крик. Громкий, пронзительный детский плач.

– Первый! – крикнул врач. – Мальчик!

Моё тело обмякло, но радость длилась недолго.

– Второй ещё не вышел! – раздался другой голос.

Я закрыла глаза. Я не могла больше.

– Айлин, смотри на меня, – голос шейха вырвал меня из этой пропасти. – Они должны жить. Ты обещала. Ты должна родить мою маленькую единственную девочку.

Эти слова пронзили меня, как кинжал. Я собралась с силами. Последний раз.

– Девочка! – выкрикнул врач.

И снова плач. Тоненький, слабый, но уверенный.

Когда всё закончилось, я лежала без сил. Моё тело было пустым, но душа наполнилась чем-то новым. Их крик. Этот крик жизни стал для меня музыкой.

Шейх держал их на руках – двух маленьких, хрупких созданий. Он подошёл ко мне, и я увидела, как его лицо впервые смягчилось.

– Они живы, – сказал он, его голос был тихим.

– И весят так прилично. Мальчик два триста и девочка два сто. Чем вы их кормили?

– Любовью, – тихо прошептала я, глядя на шейха.

Я подняла руки, и он передал мне их. Я посмотрела на них, на этих двух крошечных ангелов, и слёзы хлынули вновь. Но это были слёзы радости. И боли... я лишилась одного ребенка и обрела двоих. Но перед глазами все поплыло. Детей забрали, бросились ко мне.

Когда я очнулась, мир вокруг всё ещё был белым. Лампы на потолке, простыни на кровати, одежда врачей. Белое, холодное, безжизненное. Я лежала неподвижно, тело было тяжёлым, как камень. Но я была здесь. Жива.

Сначала я ничего не понимала. Всё казалось таким далёким, как будто это не происходило со мной. Я моргнула, почувствовав, как слёзы снова катятся по щекам. Горькие. Тёплые.

И тут я вспомнила. Лиза. Моё сердце болезненно сжалось, как будто кто-то снова и снова вонзал в него нож. Моя девочка. Её маленькие ручки, её смех, её глаза, которые всегда смотрели на меня с такой любовью. Её больше нет.

Я закрыла глаза. В моей голове вспыхивали воспоминания – её первый шаг, первое слово, как она смеялась, держа меня за руку. Я снова чувствовала её тепло. Слышала её голос. Но теперь это была только память.

Моя грудь снова наполнилась рыданиями. Я закрыла лицо руками, пытаюсь удержать эту боль внутри, но она рвалась наружу. Дети! Мои дети! Где они?

И тут я услышала что-то. Лёгкий звук. Слабый, едва заметный.

Я открыла глаза. Кто-то стоял у кровати – врач. Она смотрела на меня.

– Ваши малыши, – сказала она. – В полном порядке. Скоро их принесут.

Я почувствовала, как мир вокруг меня дрогнул. Боже! Спасибо тебе! Уберег моих малышей!

Слёзы хлынули с новой силой, но это были слёзы облегчения. Я ничего не могла сказать. Я только повторяла про себя: "Спасибо. Спасибо..."

Но вместе с этим внутри меня начала подниматься другая волна. Волна гнева. Волна решимости.

Я лежала на больничной койке, ослабленная, сломленная, но в тот момент внутри меня родилась клятва.

"Они думали, что уничтожили меня. Они думали, что я не поднимусь. Но я поднимусь. Ради Лизы. Ради моих детей. Я уничтожу каждого, кто посмел причинить им боль. Каждого. Пусть мне придётся пройти через ад, но я не прощу. Никогда."

Моё сердце стучало ровнее, сильнее. Я смотрела в потолок, чувствуя, как боль трансформируется в сталь. Лиза больше не вернётся. Но я всё ещё здесь. Мои дети всё ещё здесь.

И я сделаю всё, чтобы защитить их. Всё, чтобы вернуть себе то, что у меня отняли.

Я уже хотела снова закрыть глаза, утонуть в этой волне решимости, как вдруг услышала звук шагов.

Тяжёлые, ровные шаги. Я узнала их сразу. Шейх.

Он вошёл в палату, и его присутствие тут же заполнило собой всё пространство. Казалось, что даже свет в комнате стал другим – более холодным, строгим. Я повернула голову к двери и встретила с его взглядом.

Он стоял в дверях, высокий, сильный, с привычной маской ледяного спокойствия на лице. Но в его глазах я увидела что-то другое. Там была тень. Гнев. И боль.

Шейх подошёл ближе, его шаги были уверенными, но в движениях было что-то напряжённое. Он остановился у моей кровати, его взгляд был сосредоточен на мне.

– Ты... ты должна отдохнуть, – сказал он, но его голос звучал хрипло, будто он сам был на грани. – с детьми няньки. Присмотр круглосуточный.

Я чуть приподнялась, опираясь на локти.

– Я в порядке, – выдавила я, хотя это было ложью. Я не была в порядке. Всё внутри меня горело от боли.

Он посмотрел на меня, словно хотел сказать что-то, но замолчал. Я почувствовала, как напряжение между нами нарастает. Это молчание казалось невыносимым, давящим.

Наконец он сел рядом со мной, его сильные руки положили одну из тетрадей, которая лежала на прикроватном столике, в сторону. И тогда он заговорил:

– У меня есть для тебя новость.

Его голос был тихим, почти приглушённым. Но в этих словах была сила, от которой моё сердце застучало быстрее.

Я уставилась на него, пытаюсь прочесть его выражение лица, но оно оставалось холодным, строгим, как всегда.

– Какая новость? – прошептала я.

– Лиза жива...и она в полном сознании!

Он улыбнулся и схватил меня за руки.

– Твоя дочь пришла в себя как только мы уехали. Она вышла из комы. Она услышала тебя, а Аллах услышал твои молитвы.

– Оооо...Боже! Боже! – я задышалась смотрела на него с неверием и диким счастьем от которого меня просто разрывало. Я кажется зашлась от радости. И зарыдала в голос. Он обнял меня и прижал к груди мою голову.

– Ну все, девочка...все позади. Все дети живы. Это главное...суку ищут. И когда найдут...

– Ты отдашь ее мне! – прошипела я сквозь слезы.

– Я подарю ее тебе. Обещаю. Ты решишь, что с ней делать. Ведь теперь ты жена шейха!

– А с теми, кто ее подослал?

Он стиснул челюсти.

– Все понесут наказание.

– А Лиза? Где она?

– Ее охраняют так надежно как никогда. Она в полном порядке. Еще под присмотром врачей, но уже попросила есть.

– О Боже! Моя девочка, моя маленькая!

В эту минуту медсестра привезла два кювеза и я забыла обо всем. Мои малыши. Неужели этот торнадо прошел мимо меня лишь слегка задев.

Глава 12

Я держала руку Лизы, и моё сердце наполнялось чем-то, что я почти забыла – надеждой. Её пальчики, такие хрупкие и маленькие, лежали в моей ладони, слабо двигаясь. Её глаза были закрыты, но она дышала. Жива.

Моя Лиза, моя девочка, которую я потеряла той ночью... Она вернулась ко мне.

Слёзы стекали по моим щекам, но я не вытирала их. Я плакала, но в этот раз слёзы были другими – не от горя, а от радости.

– Спасибо... – шептала я, наклоняясь ближе. – Спасибо... Богу, судьбе, тебе... Лиза, ты сильная, такая сильная.

Я сидела у её кровати, не отпуская её руку, боясь, что она исчезнет, если я хоть на секунду отвернусь.

– Мама... – тихий, едва различимый звук вырвался из её губ.

Я замерла, вглядываясь в её лицо. Её глаза медленно приоткрылись, и она посмотрела на меня. Я видела слабую, но такую яркую улыбку, которая сразу пронзила моё сердце.

– Лиза... – я наклонилась ближе, почти не дыша. – Милая, ты слышишь меня? Ты со мной?

Она снова слабо улыбнулась, и я почувствовала, как мои слёзы текут сильнее.

– Ты справишься. Я обещаю, что больше никогда не оставлю тебя одну. Никогда. – Мой голос дрожал, но в нём была клятва. – Мы справимся вместе, слышишь?

В этот момент я почувствовала, как кто-то вошёл в комнату. Его шаги – уверенные, но тихие, как всегда. Шейх.

Я подняла глаза и встретила с его взглядом. Его лицо, обычно холодное и непроницаемое, теперь казалось другим. В его глазах была та же боль, что жила во мне, но вместе с ней я увидела и облегчение.

– Ты здесь, – сказала я, мой голос был тихим, почти шёпотом.

Он кивнул, подошёл ближе и посмотрел на Лизу. Его глаза задержались на ней дольше обычного, словно он пытался убедиться, что она действительно здесь, что она жива.

– Ей лучше, – наконец сказал он. Его голос был низким, но в нём чувствовалась скрытая теплая нотка. – Она боролась.

Я сжала руку Лизы крепче, чувствуя, как меня накрывает волна благодарности.

– Она такая сильная, – прошептала я, мои слёзы всё ещё текли. – Сильнее, чем я могла представить.

Он медленно кивнул, не отводя взгляда от Лизы.

– Это в ней от тебя, – сказал он.

Я подняла глаза, чтобы посмотреть на него, не веря тому, что услышала. Его лицо осталось строгим, но в этих словах была искренность.

– Ты тоже сильная, Айлин, – добавил он. Его голос звучал твёрдо, но я чувствовала, что он говорит это не только для меня, но и для себя. – Ты доказала это.

– Я не знаю, что бы я сделала, если бы она... – я замолчала, мои слова утонули в комке в горле.

Он подошёл ближе, положил руку мне на плечо. Его прикосновение было неожиданным, но оно успокоило меня.

– Но она жива. И ты тоже, – сказал он, его голос стал мягче.

После того, как врачи попросили нас оставить Лизу отдыхать, я вышла из палаты, чувствуя, как ноги подкашиваются. Шейх молча шёл рядом, его шаги казались таким уверенными, в то время как я едва держалась.

Мы остановились в коридоре, и я обернулась к нему.

– Я не прощу тех, кто сделал это с нами, – сказала я, моя речь стала твёрдой. – ту женщину не нашли? Врача?

Его глаза потемнели, и я увидела в них ту же ярость, которую чувствовала сама.

– Ищут, – сказал он, его голос был низким и угрожающим. – Я сделаю всё, чтобы это случилось как можно скорее.

Прошло несколько дней. Время словно растянулось в бесконечную паутину боли и усталости, но я жила. Мой мир, который недавно рухнул, начал медленно собираться по кусочкам.

Я лежала на кровати, вдыхая тёплый утренний воздух. Окно было приоткрыто, и лёгкий ветерок шевелил занавески. Свет солнца падал на мои руки, такие слабые, с тонкой, почти прозрачной кожей. Всё моё тело ещё чувствовало последствия родов. Каждое движение отдавалось тяжестью, а каждая мысль – болью. Я кормила малышкой сама. Никаких посторонних женщин. Только я и мои дети. Я спала по три часа... Иногда засыпала с ними на руках.

Но несмотря на это, внутри меня поднималась странная сила. Не внезапная, не обжигающая, а медленная, словно догорающий костёр, который кто-то аккуратно раздувает. Это была не ярость. Это была решимость.

Я чувствовала это всякий раз, когда смотрела на своих малышей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.